

НАДЕЖДА ПЛЕВИЦКАЯ

МОЙ ПУТЬ СЪ ПѢСНЕЙ

Часть II

Продолженіе «ДЕЖКИНЪ КАРАГОДЪ»

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТАИРЪ
ПАРИЖЪ
1 9 3 0

*Посвящено любимому другу
М. Я. Эйтингону посвящено.*

НАДЕЖДА ПЛЕВИЦКАЯ

МОЙ ПУТЬ СЪ ПЪСНЕЙ

На чужбинѣ, въ безмѣрной тоскѣ по Родинѣ, осталась у меня одна радость: мои тихія думы о прошломъ.

О томъ дорогомъ прошломъ, когда сіяла несмѣтными богатствами матушка Русь и лелѣяла насъ въ просторахъ своихъ.

Далека родимая земля и наше счастье осталось тамъ.

Грозная гроза прогремѣла, поднялся дикій, темный вѣтеръ и разметалъ насъ по всему бѣлому свѣту. Но унесъ съ собой каждый странникъ свѣтлый образъ Руси, любви къ отечеству дальнему и благородную память о прошломъ.

Свѣтитъ такой непогасимый образъ и у меня.

За пятнадцать лѣтъ изѣздила я великія русскія просторы, не сосчитать сколько десятковъ тысячъ верстъ отмѣрила, а не объѣздила всей Россіи.

Началомъ моихъ длинныхъ и частыхъ путешествій былъ 1909 годъ, когда, послѣ моихъ гастролей въ Нижнемъ, на ярмаркѣ, была я приглашена въ Ялту, въ лѣтній театръ къ Зону.

Стоялъ золотой сентябрьскій день. Я вышла съ вокзала въ Севастополь, и уже черезъ часъ, по ослѣпительно-бѣлому шоссе, автомобиль мчалъ меня въ Ялту.

Молодой, крылатой была тогда моя душа и казалось, вотъ вырвется изъ груди и улетитъ въ солнечную даль.

А тутъ мелькаютъ сады виноградные, по зеленымъ холмамъ

отары звенять бубенцами, между горъ вьется бѣлая дорога. Автомобиль летитъ, и встрѣчный вѣтеръ весело шумитъ въ уши, что жизнь прекрасна, прекрасна.

Вотъ и Байдарскія ворота. Въ восторженномъ изумленіи смотритъ путникъ на синюю морскую даль съ головокружительной высоты. Слово чудо Божіе открывается передъ нимъ.

Здѣсь становится страшно предъ Величіемъ Творца, погому здѣсь и храмъ на отвѣсной скалѣ. Строители его понимали, что на семь мѣстъ помолится каждый.

А машина уже мчится внизъ отъ Байдарскихъ воротъ. Не знаешь куда и смотрѣть: направо, въ синемъ морѣ рѣютъ бѣлые паруса, налѣво, въ поднебесьи парятъ орлы, надъ гранитными кряжами. Такъ, съ затуманенной отъ дороги головой, примчалась я въ Ялту.

А у Государевой Ливадіи, повстрѣчала я иныхъ орловъ. Въ темно-синихъ, съ желтымъ, черкескахъ, въ черныхъ папахъ съ краснымъ верхомъ, они гарцевали на статныхъ коняхъ. Бородачи, одишь другого краше, конвойцы Его Величества. Имъ поручена почетная стража вокругъ Русскаго Царя.

**

Въ ту осень въ Ливадіи пребывала Государева семья, и кажется вся знать съѣхалась въ Ялту.

Гостиницы были переполнены. Миѣ съ трудомъ нашли скромную комнату на дачѣ Фролова-Багрѣева, но хотя бы и въ шалашѣ поселили, миѣ было бы хорошо. Благословенный край. Воздухъ напоенъ дыханіемъ моря и буксуса. Средь темныхъ кипарисовъ высятся прекрасные бѣлые дворцы. Неумолкаемъ нѣжный звонъ цикады.

Помню, ясный ласковый день въ первыхъ числахъ октября. Я стояла на набережной, прислонясь спиной къ желѣзной рѣшеткѣ, слушала близкій плескъ волнъ и глядѣла на толпу, тѣсно плывущую мимо.

Такая праздничная и нарядная, такая беззаботная и красивая толпа «бархатного сезона».

Какія прелестныя женскія головки, какія легкія, какъ облако, наряды. Пріятно звенятъ шпоры ловкихъ гусаръ, рослыхъ кирасиръ. Неслышно скользятъ конвойцы съ перетянутой таліей. Проходятъ загорѣлые, крѣпкіе моряки въ бѣлыхъ, какъ кипѣнь, кителяхъ.

По свѣже-политымъ торцамъ шелестятъ экипажи и слышенъ пріятный, дружный топотъ копытъ.

Но вотъ со стороны Ливадіи послышался частый, разсыпчатый топотъ иноходца и мимо насъ промчался весь въ золотѣ сѣдой татаринъ.

Его появленіе возвѣщало, что ѣдетъ Царь. Вся толпа вдругъ зашумѣла, всѣ бросились занять мѣста откуда лучше можно увидѣть Государя и Его Семью.

Экипажъ, въ которомъ сидѣлъ Государь, приближался, а за нимъ катилась восторженная волна могучаго ура.

Мурашки побѣжали у меня по тѣлу и къ горлу подступили нечаянныя слезы отъ этой волны человѣческихъ голосовъ, выражающихъ любовь.

Головы обнажились и въ воздухѣ вѣяли шапки, платки и лилась, лилась широкая, ликующая волна — ура-а-а!

Государя провожали въ Италію, а я стояла въ толпѣ и утирала слезы.

Затѣмъ, протолкавшись сквозь толпу, увидѣла хорошее, ласковое, знакомое по портретамъ, лицо Государя.

Знала я это лицо уже давно, еще тогда, когда я Дежкой называлась.

И вспомнилась мнѣ большая, съ голубымъ глянцемъ, лубочная картина на бѣлой стѣнѣ нашей избы.

А на той картинѣ была изображена семья Императора Александра III.

Помню, давно, въ предвечернюю пору вошелъ въ избу отецъ и тревожно сказалъ :

— Зажигай, мать, лампаду, помолимся Господу за спасеніе Царской семьи.

Я прижалась къ матери. Отецъ разсказалъ, что извѣстили на сходѣ объ зломъ умыслѣ на Царскую жизнь въ Боркахъ и о томъ, какъ Царь - богатырь одинъ поднялъ вагонъ и вынесъ изъ-подъ него свою младшую дочь.

Мы стали на молитву.

Опустился на колѣни мой отецъ, старый николаевскій солдатъ. Предъ образами, освѣщенными тихой лампадой, шептала мать горячія молитвы: печать креста творила съ вѣрой и клала поклоны.

На насъ смотрѣлъ Николинъ ликъ и будто угодникъ добрый серчалъ.

Мать помолилась, подошла къ голубой картинѣ.

— Вотъ, видишь, Дежка, нашъ Государь, а въ голубомъ Матушка Царица. За ней наслѣдникъ, а вотъ младшій, Миколай, вишь вьюноша совсѣмъ. А на колѣняхъ у Царя дочь ихняя Ольга, самая меньшая, которую изъ подъ вагона царь вынесъ. Ахъ, дѣточка бѣдная.

Мать суровой ладонью гладила картину.

— А вотъ, Дежка, постарше царевна, Ксенія, Аксютою по нашему зовутъ. Спаси ихъ Господи, и помилуй, шептала мать и все вздыхала.

Прекрасная ялтинская погода смѣнилась дождями. Зонъ закрылъ свое «казино», не выполнивъ со мной условій. У московскаго «Яра» я должна была пѣть только съ ноября и октябрь у меня былъ не занятъ. А кто не знаетъ, что долгій отдыхъ вреденъ для артистовъ.

Въ городскомъ театрѣ тогда играла украинская труппа Глазуненко.

Актеры были хорошіе, но сборы неважные. Меня познакомили съ Глазуненко и при первой же встрѣчѣ онъ пожаловался мнѣ, что горитъ.

Въ свой чередъ пожаловалась и я, что сижу весь октябрь безъ дѣла и согласилась бы на гастроли въ его театрѣ.

Второй разъ въ жизни набралась я смѣлости, предлагая свои услуги. Первый разъ было въ Курскѣ, когда я въ балаганъ просилась.

Глазуненко замахалъ на меня руками и сказалъ попросту:

— Что вы, что вы, я не могу расплатиться съ артистами и ничего вамъ не могу обѣщать. Я васъ мало знаю.

Я похвасталась, что москвичи по Яру меня знаютъ, а москвичей сейчасъ много въ Ялтѣ.

Глазуненко предложилъ мнѣ выступить у него на процентахъ безъ риска и безъ всякаго контракта, обѣщая мнѣ 20 процентовъ съ чистой прибылн.

Я согласилась.

Черезъ три дня афиши возвѣщали о двухъ моихъ гастрояхъ въ городскомъ театрѣ.

Послѣ «Запорожца за Дунаемъ», въ концертномъ отдѣленіи, должна была пѣть я.

День выступленія былъ волнующій.

Я пришла къ театру и увидѣла у подъѣзда много автомобилей и экипажей. Обычно пустующій театръ былъ полонъ. Стало-быть публика пришла для меня.

— Господи, помоги, — молилась я. — Какъ бы не провалиться.

Но «Запорожець» подходилъ къ концу. Вотъ и занавѣсъ упалъ. За кулисами шумятъ, мѣняя декорации. Мы съ аккомпаниаторомъ Заремой, отъ волненія раза три поспорились.

— Эхъ, Рубинштейнъ! язвила я старика.

— Ухъ, вѣдьма! огрызался онъ.

Но, посмотрѣвъ другъ на друга, мы разсмѣялись.

Послѣ третьяго звонка когда занавѣсь, шурша, поднялся вверхъ, я перекрестилась и вышла на ярко освѣщенную сцену. За мной тянулся длинный шлейфъ моего розоваго платья. А полъ то грязный, а платье то дорогое, но Богъ съ нимъ, съ платьемъ — унять бы только дрожь въ колѣняхъ. А въ залѣ темно, не вижу никого, и лишь пугающе поблескиваютъ изъ тьмы на меня стекла биноклей.

Мнѣ непривычна такая темень, кому я буду пѣть, съ кѣмъ бесѣду поведу, кому буду рассказывать, не этимъ же страшнымъ стекламъ, мерцающимъ въ потемкахъ?

Я должна видѣть лица и глаза тѣхъ, кто меня слушаетъ.

Но съ первымъ аккордомъ мой страхъ унялся, а потомъ, какъ всегда, я захмелѣла въ пѣсняхъ.

По моему знаку залъ освѣтили.

Мнѣ стало уютно. Сверху, изъ райка, мнѣ кивали гимназистки, мнѣ улыбались изъ первыхъ рядовъ.

И я уже знала, что всѣ въ залѣ друзья мои.

Успѣхъ полный, понапрасну я такъ волновалась.

Въ уборной тѣснится народъ. Въ головѣ у меня перепутались лица и имена поздравляющихъ и во всемъ тѣлѣ звучитъ радость побѣды.

А на другое утро прочла я въ «Ялтинскомъ Вѣстникѣ» первую обо мнѣ статью: «Жизнь или искусство». Неизвѣстный авторъ ея удивилъ меня тѣмъ, какъ почувствовалъ каждую мою пѣсню. Будто душу мою навѣстилъ.

**
*

Второй мой концертъ прошелъ съ аншлагомъ и въ тотъ же вечеръ командиръ конвоя Его Величества Князь Юрій Ивановичъ Трубецкой передалъ мнѣ приглашеніе Министра Двора барона Фредерикса, выступить у него.

Я съ удовольствіемъ приняла лестное приглашеніе.

Въ придворномъ экипажѣ, Князь Трубецкой привезъ меня въ гостиницу «Россія», въ которой занималъ апартаментъ Министръ Двора.

Въ парадномъ бѣломъ залѣ, баронъ подвелъ меня къ баронессѣ, маленькой старушкѣ въ сѣромъ шелку и въ гирляндѣ брилліантовъ, которыми баронесса прикрывала свой зобъ.

Старушка была любезна со мной и я чувствовала, что она добра и что любезность ея искренняя. Но было въ ней что-то чужое, не русское.

Чужимъ показался мнѣ и самъ баронъ Фредериксъ, барственный старецъ съ великолѣпной сѣдиной.

Князь Юрій Ивановичъ, который взялъ меня подъ свое покровительство, представляя меня большому обществу, говорилъ:

— Прошу любить. Моя дочка.

Я стала у рояли. Предо мной было лучшее петербургское общество, почти вся придворная знать, блестящіе слушатели, но сердце вдругъ вспомнило москвичей.

Добродушные мои москвичи, съ прекраснымъ, сочнымъ говоромъ, показались мнѣ тогда болѣе русскими, болѣе сердцу понятными, чѣмъ эти изысканные петербуржцы съ плохой и картавой русской рѣчью. Къ тому же изъяснялись они между собой на чужомъ языкѣ. А тутъ еще двѣ-три милыя дамы наставили лорнетки, разсматривая меня, какъ вещь. Непріятное чувство подняли во мнѣ эти дамскіе лорнетки и я подумала, что мои москвички воспитаниѣ этихъ дамъ съ лорнетами.

Въ довершеніи всего одна изъ дамъ съ очень русской фамиліей, путая русскую и французскую рѣчь, стала спрашивать меня о моихъ пѣсняхъ:

— Что такое куделька, что это батожа?

Я ей объяснила. Дама вскинула лорнетъ, осмотрѣла меня съ ногъ до головы, сказала:

— *Charmant!* вы очень милы,

И поплыла по залу.

Я тихо спросила у генерала Николаева, который стоялъ рядомъ со мной :

— Развѣ эта дама нерусская ?

Милый генераль, съ голубыми глазами и бѣлоснѣжной сѣдой головой, отвѣтилъ такъ же тихо и коротко :

— Она русская, но дура.

Но къ концу концерта мои первыя впечатлѣнія вовсе были разсѣяны милой бесѣдой съ графиней Александрой Иларіоновной Шуваловой и ласковой графиней Бенкендорфъ.

А дворцовый комендантъ В. А. Дедюлинъ покорила меня своей внѣшностью хорошаго русскаго солдата и искренней прямою бесѣды.

— Миѣ жаль, — говорилъ онъ, — что Государя нѣтъ въ Ливадіи. Онъ навѣрное пожелалъ бы послушать васъ. Онъ такъ любитъ народную пѣсню.

И почему-то печаль дрогнула въ его голосъ и миѣ показало, что черные глаза дворцоваго коменданта наполнились слезами.

Въ бѣломъ залѣ на приѣмѣ у барона Фредерикса, я встрѣтила тогда много хорошихъ друзей, съ которыми меня разлучила только грозная гроза, вѣтеръ дикій и темный.

**

Успѣхъ десяти концертовъ въ Ялтинскомъ театрѣ, у Глазуненко, былъ началомъ моей концертной дороги.

Я не вернулась къ Яру Московскому. Судаковъ такъ на меня за это разсерчалъ, что, для одного сраму, а не ради денегъ, прислалъ описывать мои пожитки въ театрѣ Блюменталь-Тамарина, гдѣ я давала концертъ.

Но Маша, моя шустрая горничная, спрятала наряды и когда я вернулась со сцены въ уборную, то, кромѣ пары парчевыхъ туфель и судебного пристава, описывающаго туфли, никого и ничего у себя не нашла.

Мы посмѣялись съ приставомъ, и скоро ковровая тройка, трезвоня бубенцами, понесла насъ къ Яру. Мы привезли Судакову мои описанныя сокровища. Подъ пѣнье цыганъ Судаковъ пилъ со мной изъ парчевыхъ туфель мировую.

Судаковъ мужикъ былъ умный и понималъ, что моя дорога отъ Яра перекинулась въ залъ Большой Консерваторіи, гдѣ уже былъ объявленъ мой первый концертъ. Онъ зналъ, что всѣ билеты на него проданы и даже не пытался упрашивать меня о возвращеніи къ Яру.

**
*

Первымъ концертнымъ импрессарио моимъ былъ маленькій и пузатенькій В. В. Семеновъ, съ бѣлымъ, кукольнымъ лицомъ. Еще въ Крыму онъ заключилъ со мной договоръ на десять концертовъ. Съ каждаго я получала по триста рублей.

Когда сборы стали давать по пяти тысячъ на кругъ, В. В. Семеновъ засовѣстился, что мало мнѣ платитъ, но трехсотрублеваго гонорара не повысилъ, а сталъ мнѣ подносить на каждомъ концертѣ подарки, и все громоздкіе. Разъ даже поднесъ большую чугунную статую съ электрическими лампами и когда человекъ подвинулъ ее ко мнѣ на сценѣ, Семеновъ включилъ провода и пыхнуло мнѣ яркимъ свѣтомъ прямо въ лицо.

Онъ этакія чудачества любилъ, а я ихъ терпѣть не могла. Ну и досталось ему за его подарокъ.

Я не была жадна на деньги и только успѣхъ искренно радовалъ меня.

Концерты съ В. В. Семеновымъ еще не были закончены, а я уже подписала новый договоръ, съ В. Д. Рѣзниковымъ, болѣе выгодный.

Рѣзниковъ самъ мнѣ предложилъ сорокъ концертовъ съ гарантіей: десять въ столицахъ по двѣ съ половиной тысячи рублей за каждый, десять по тысячи рублей и двадцать по восемьсотъ.

Вотъ и достатокъ ко мнѣ пришелъ, что позволило мнѣ взять хорошую квартиру въ Дегтярномъ переулкѣ.

Квартира устраивалась, а я, какъ поселилась по прїѣздѣ изъ Крыма въ меблированныхъ комнатахъ у Ванечки Морозова на Большой Дмитріевкѣ, такъ тамъ и жила.

Ваничку въ Москвѣ знали хорошо и уютныя его покойчики всегда были заняты артистами.

Моими сосѣдями были М. Вавичъ и опереточная пѣвица Миликети, сверкающая брилліантами и красотой.

Помню, въ первыхъ числахъ марта бѣлое московское утро. Падалъ хлопьями тихій снѣгъ, ложился мягкимъ пуховикомъ, за окномъ, на подоконникъ, причудливо и пышно нарядилъ деревья и все стало сребристымъ и свѣтлымъ. Снѣгъ тихо колдуетъ надъ Москвой и впрямь стала Москва, словно Серебряная Царевна въ своемъ покоѣ снѣжномъ.

Такъ бы и не отходила отъ окна, все смотрѣла — смотрѣла бы на эти бѣлыя, колдующія хороводы, на притихшую, запущенную улицу, по которой съ храпомъ проносятся рысаки, въ дымокъ дыханія и снѣга, а бубенцы бормочатъ, смѣются и всѣ куда-то спѣшатъ, спѣшатъ.

Сквозь бѣлую дымку мелькаютъ дуги расписныя, легкія сани, сѣдоки въ бобрахъ.

Зимнее московское утро, родимая Москва, Серебряная Царевна моя, сонъ далекій...

Я помню, это было утро послѣ моего прощальнаго бенефиса въ театрѣ Буффъ.

Я разставалась съ милымъ моимъ директоромъ, чудеснѣйшимъ Блюменталь-Тамаринымъ.

И судьба, которая что хочет, то съ нами и дѣлаеть, была такова, что я прощалась съ нимъ навсегда: вскорѣ Блюменталь-Тамаринъ скончался внезапно. Наканунѣ кончины онъ видѣлъ во снѣ свои собственныя похороны. Сонъ оказался вѣщимъ.

А въ то бѣлое утро, послѣ театральныхъ именинъ, я и себя чувствовала именинницей, глядя на изѣты и подарки, отъ которыхъ было тѣсно въ комнатѣ.

Горничная Маша, мой неизмѣнный спутникъ тѣхъ лѣтъ, принимала мои успѣхи и на свой счетъ, и говорила:

— Ну и подарковъ мы вчера получили, — пропастъ. А успѣхъ у насъ былъ, — ужаси.

Въ дверь постучали. Выбѣжавъ на стукъ, Маша вернулась съ ошалѣлыми, круглыми глазами: просить приѣма Московскій Губернаторъ Джунковскій.

— Милости прошу — сказала я входящему генералу Джунковскому. Губернаторъ былъ въ парадномъ мундирѣ.

Мнѣ была понятна оторопь Маши при появленіи въ нашей скромной квартирѣ, такой блестящей фигуры: было съ чего ошалѣть.

— Я спѣшилъ къ вамъ, Надежда Васильевна, прямо съ парада, — сказалъ Джунковскій. — Я приѣхалъ съ большой просьбой, по порученію моего друга, Командира Своднаго Его Величества полка, Генерала Комарова. Онъ звонилъ мнѣ утромъ и просилъ, чтобы я передалъ вамъ приглашеніе полка приѣхать завтра въ Царское Село пѣть на полковомъ праздникѣ, въ присутствіи Государя Императора.

— Кто-же отъ своего счастья отказывается, — сказала я, вставая. Только какъ быть съ моимъ завтрашнимъ концертомъ? Вѣдь это мой первый большой концертъ въ Москвѣ, да и билеты распроданы.

— Съ вашего позволенія я беру все это на себя. Я переговорю съ импрессарио, а въ газетахъ объявимъ, что по случаю

вашего отъезда въ Царское, концертъ переносится на послѣзавтра.

Конечно, долго уговаривать меня не приходилось. Я была согласна.

Генераль Джунковскій сказалъ, что для меня оставлено мѣсто въ курьерскомъ, пожелалъ успѣха въ Царскомъ Селѣ и распрощался.

Отъ неожиданной радости бѣлаго утра, отъ цвѣтовъ, которые свѣжо дышали въ моей комнатѣ, у меня пріятно кружилась голова.

Я видѣла изъ окна, какъ сѣрый въ яблокахъ рысакъ унесъ закутаннаго въ николаевскую шинель статнаго Московскаго губернатора.

Унеслись годы и годы, а утро бѣлое, Серебряная Царевна — Москва, — живетъ во мнѣ: какъ хорошо, какъ радостно вспомнить то утро.

Въ тотъ день Маша вертѣлагъ волчкомъ, спѣшно готовясь къ отъезду. Она уложила меня въ постель набраться силъ на завтра, а сама хлопотала. Надобно было рѣшить важный вопросъ: какое мы платье надѣнемъ. И рѣшили мы надѣть бѣлое отъ Пантелеймоновой и украсить себя всѣми драгоценностями, какія только имѣются, а на голову еще парчевую повязку.

А позже я узнала, что Государь о моемъ пышномъ нарядѣ отозвался неодобрительно и высказалъ сожалѣніе, что я не была одѣта болѣе скромно.

Позже были скромны мои платья, когда я явля въ присутствіи Его Величества.

Съ моимъ другомъ Маріей Германовной Алешинной, которая умѣла меня уберечь отъ лишнихъ волненій и усталости, я пріѣхала въ Петербургъ, а оттуда въ Царское Село. Въ домѣ В. А.

Дедюлина, во флигелѣ, для меня были приготовлены комнаты для отдыха.

Въ десять часовъ вечера мнѣ позвонилъ изъ собранія Командиръ Своднаго Его Величества полка и сказалъ, что за мной выѣхалъ офицеръ.

Съ трепетомъ садилась я въ придворную карету.

Выѣздной лакей въ красной крылаткѣ, обшитой желтымъ галуномъ и съ черными императорскими орлами, ловко оправилъ пледъ у моихъ ногъ и захлопнулъ дверцы кареты. На освѣщенныхъ улицахъ Царскаго Села мы подымали напрасное волненіе городскихъ и околоточныхъ; завидя издали карету, они охарашивались и, когда карета съ ними равнялась, вытягивались.

Такой почетъ, больше къ каретѣ, чѣмъ ко мнѣ, все же вызывалъ у меня дѣтское чувство гордости.

Черезъ нѣсколько мгновеній я увижу близко Государя, своего Царя.

Если глазами не разгляжу, то сердцемъ почувствую. Оно не обманетъ, сердце, оно скажетъ, каковъ нашъ батюшка Царь.

Добродушный Командиръ полка В. А. Комаровъ, подавая мнѣ при входѣ въ собраніе чудесный букетъ, замѣтилъ мое волненіе.

— Ну чего вы дрожите, — сказалъ онъ, — ну кого боитесь? Что прикажите для бодрости?

Я попросила чашку чернаго кофе и рюмку коньяку, но это меня не ободрило и я подъ негодующіе возгласы В. А. Дедюлина и А. А. Мосолова, приняла двадцать капель валеріанки.

Но и капли не помогали.

И вотъ распахнулась дверь и я оказалась передъ Государемъ. Это была небольшая гостинная и только столъ, прекрасно убранный блѣдно-розовыми тюльпанами, отдѣлялъ меня отъ Государя.

Я поклонилась низко и посмотрѣла прямо Ему въ лицо и встрѣтила тихій свѣтъ лучистыхъ глазъ. Государь будто догадывался о моемъ волненіи, привѣтилъ меня своимъ взглядомъ.

Словно чудо случилось, страх мой прошелъ, я вдругъ успокоилась.

По наружности Государь не былъ величественнымъ и сидящіе генералы и сановники рядомъ, казались гораздо представительнѣе.

А, все же, если бы я и никогда не видѣла раньше Государя, войди я въ эту гостинную и спроси меня — «узнай, кто изъ нихъ Царь?» — я бы не колеблясь указала на скромную особу Его Величества. Изъ глазъ Его лучился прекрасный свѣтъ царской души, величественной простотой своей и покоряющей скромностью. Потому я Его и узнала бы.

Онъ рукоплескалъ первый и горячо, и послѣдній хлопокъ всегда былъ Его.

Я пѣла много.

Государь былъ слушатель внимательный и чуткій. Онъ справлялся черезъ В. А. Комарова, можетъ быть я утомилась.

— Нѣтъ, не чувствую я усталости, я слишкомъ счастлива, — отвѣчала я.

Выборъ пѣсень былъ предоставленъ мнѣ и я пѣла то, что было мнѣ по душѣ. Спѣла я и пѣсню революціонную про мужика-горемыку, который попалъ въ Сибирь за недоимки. Никто замѣчанія мнѣ не сдѣлалъ.

Теперь доведись мнѣ пѣть Царю я, можетъ-быть, умудренная жизнью, схитрила бы и пѣсни такой Царю и не пѣла бы, но тогда была простодушна, молода, о политикѣ знать не знала, вѣдать не вѣдала, а о партіяхъ разныхъ и въ голову не приходило, что такія есть. А какъ я была въ политикѣ не таровата, достаточно сказать то, что, когда слышала о партіи кадетъ, улавливала слово «кадетъ» и была увѣрена, что идетъ рѣчь объ окончившихъ кадетскій корпусъ.

А пѣсни-то про горюшко горькое, про долю мужицкую, кому же и пѣть-разсказывать, какъ не Царю своему Батюшкѣ?

Онъ слушалъ меня и я видѣла въ царскихъ глазахъ свѣтъ печальный.

Пѣла я и про радости, шутила въ пѣсняхъ и Царь смѣялся. Онъ шутку понималъ простую, крестьянскую, незатѣйную.

Я пѣла Государю и про московскаго ямщика :

— Вотъ тройка борзая несется,
Ровно изъ лука стрѣла,
И въ полѣ пѣсня раздается, —
Прощай родимая Москва!
Быть-можетъ больше не увижу
Я, Златоглавая, тебя,
Быть-можетъ больше не услышу
Въ Кремлѣ твои колокола.
Не вѣчно все на бѣломъ свѣтѣ,
Судьбина вдаль влечетъ меня,
Прощай жена, прощайте дѣти,
Богъ знаетъ, возвращусь ли я?
Вотъ тройка стала, парь клубится,
Ямщикъ утеръ рукой глаза,
И вдругъ ему на грудь скатилась,
Изъ глазъ жемчужная слеза.

Послѣ моего ямщика, Государь сказалъ А. А. Мосолову :

— Отъ этой пѣсни у меня сдавило горло.

Стало быть была понятна, близка Ему и ямщицкая тоска.

Во время перерыва В. А. Комаровъ сказалъ, что мнѣ поручаютъ поднести Государю задравную чару.

Чтобы не повгорять задравную, какую всѣ поютъ, я наско-ро, какъ умѣла, тутъ же набросала слова и подъ блистающій маршъ, въ который мой аккомпаніаторъ вложилъ всю душу, стоя у рояли, запѣла :

— Пропоемъ задравную, славные солдаты,
Какъ пѣвали съ чаркою дѣды наши встарь,
Ура, ура, грянемъ-те солдаты,
Да здравствуетъ Русскій нашъ соколъ Государь.

И во время ретурнеля медленно приблизилась къ Царскому столу. Помню, какъ дрожали мои зятянутыя въ перчатки руки, на которыхъ я несла золотой кубокъ. Государь всталъ. Я пѣла ему :

— Солнышко красное, просимъ выпить, свѣтлый Царь,
Такъ пѣвали съ чаркою дѣды наши встарь !
Ура, ура грянемъ-те солдаты,
Да здравствуетъ Русскій, родимый Государь !

Государь, принявъ чару, медленно ее осушилъ и глубоко мнѣ поклонился.

Въ тотъ мигъ будто пламя вспыхнуло, запылало, — грянуло громовое ура, отъ котораго поблѣднѣли лица и на глазахъ засверкали слезы.

Когда Государя уже провожали, Онъ ступилъ ко мнѣ и крѣпко и просто пожалъ мою руку :

— Спасибо вамъ, Надежда Васильевна. Я слушалъ васъ сегодня съ большимъ удовольствіемъ. Мнѣ говорили, что вы никогда не учились пѣть. И не учитесь. Оставайтесь такою, какой вы есть. Я много слышалъ ученыхъ соловьевъ, но они пѣли для уха, а вы поете для сердца. Самая простая пѣсня въ вашей передачѣ, становится значительной и проникаетъ вотъ сюда.

Государь слегка улыбнулся и прижалъ руку къ сердцу.

— Надѣюсь, не въ послѣдній разъ я слушалъ Васъ. Спасибо !

И снова крѣпко пожалъ мнѣ руку.

Въ отвѣтъ на милостивыя слова Государя, я едва могла вымолвить :

— Я счастлива, Ваше Величество, я счастлива.

Онъ направился къ выходу, чуть прихрамывая, отчего походка Его казалась застѣнчивой. Его окружили тѣснымъ кольцомъ офицеры, будто разстаться съ Нимъ не могли.

А когда отъ подъѣзда тронулись царскія сани, офицерская молодежь бросилась имъ вслѣдъ и долго бѣжала на улицѣ безъ шапокъ, въ однихъ мундирахъ.

Гдѣ же вы, — тѣ, кто любилъ Его, гдѣ тѣ, кто бѣжалъ въ зимнюю стужу за царскими санями по бѣлой улицѣ Царскаго Села ?

Иль вы всѣ сложили свои молодыя головы на поляхъ тяжкихъ сраженій за Отечество ?

Иначе не оставили бы Государя одного въ дни грозной грозы съ неповинными голубками царевнами и голубкомъ-царевичемъ.

Вы точно любили его отъ всего молодого сердца.

**
*

На первомъ моемъ московскомъ концертѣ въ большомъ залѣ Консерваторіи, москвичи удостоили меня бурной оваціей.

А когда я вышла послѣ концерта къ автомобилю меня ждала у подъѣзда тысячная толпа и такъ привѣтствовала и такъ тѣснилась, что студенты устроили вокругъ меня живую цѣпь.

У двери автомобиля стоялъ, и почему-то безъ шапки, самъ московскій градоначальникъ А. А. Адриановъ. Онъ помогъ мнѣ сѣсть, онъ что-то говорилъ, что-то радостно кричали бѣжавшія за автомобилемъ студенты. Я вовсе растерялась.

Опомнилась я только въ курьерскомъ поѣздѣ, который мчалъ меня въ Петербургъ, гдѣ я должна была пѣть на другой же день, послѣ московскаго концерта.

Мое купѣ дышало цвѣтами, въ ровной дрожи поѣзда мнѣ точно кивали головки гвоздикъ, свѣжія розы и даже родные васильки, маки, колосья ржи. Откуда только ихъ взяли объ эту пору ?

Отъ озноба, который меня посѣщаетъ всегда послѣ большого душевнаго подъема, стучали мои зубы.

А Маша то давала мнѣ капель, то горячаго молока и тараторила безъ умолку объ «ужастяхъ» московскаго успѣха.

Сонъ не шель ко мнѣ, въ головѣ звенѣли колокола и сердце ширилось отъ благодарной любви ко всѣмъ людямъ, ко всему міру, за то, что нежданно и незаслуженно, — сама не знаю за что, — полюбили люди мое простое художество, мои крестьянскія пѣсни.

†*
*

Тенишевскій залъ, гдѣ былъ мой первый Петербургскій концертъ, блисталъ въ тотъ вечеръ діадемами, эполетами, дорогими мѣхами.

Князь Ю. И. Трубецкой, командиръ Конвоя Его Величества, отечески позаботился о моемъ концертѣ и превратилъ его въ большое событіе петербургскаго дня.

Въ высшемъ обществѣ столицы каждый день той зимы приносилъ мнѣ новую почетную встрѣчу и новыя знакомства, новую ступень вверхъ и новыя радости, которыя даетъ только прекраснѣйшій трудъ художества.

Въ ту зиму С. С. Мамонтовъ познакомилъ меня съ Ф. И. Шаляпинымъ.

Не забуду просторный свѣтлый покой великаго пѣвца, свѣтлую парчевую мебель, ослѣпительную скатерть на широкомъ столѣ и рояль, покрытую свѣтлымъ дорогимъ покрываломъ. За той роялью Федоръ Ивановичъ въ первый же вечеръ разучилъ со мной пѣсню — «Помню, я еще молодухной была».

Кромѣ меня, у Шаляпиныхъ въ тотъ вечеръ были С. С. Мамонтовъ и знаменитый художникъ Коровинъ, который носилъ послѣ тифа черную шелковую ермолку.

Коровинъ, какъ сегодня помню, уморительно рассказывалъ про становаго пристава на рыбной ловлѣ, а Федоръ Ивановичъ въ свой чередъ разсыпался такими талантливыми пустяками, что я чуть не занемогла отъ хохота.

Удивительная въ немъ сила, въ Шаляпинѣ: если даже разскажетъ чепуху, то такъ разскажетъ, что сидишь съ открытымъ ртомъ, боясь проронить хотя бы одно его слово.

На прощанье Федоръ Великій охватилъ меня своей богатырской рукой, да такъ, что я затерялась гдѣ-то у него подъ мышкой. Сверху, надъ моей головой поплылъ его незабываемый бархатный голосъ, мощный соборный органъ.

— Помогай тебѣ Богъ, родная Надюша. Пой свои пѣсни, что отъ земли принесла, у меня такихъ нѣтъ, — я слабожанинъ, не деревенскій.

И попросту, будто давно со мной друженъ, онъ поцѣловалъ меня.

**
*

На ту пору жизни моей миръ казался мнѣ прекраснымъ праздникомъ, сверкающимъ огнями. Но чаще стали долетать до меня и голоса человѣческаго горя. Неслись ко мнѣ съ разныхъ концовъ Матушки-Россіи слезныя письма съ просьбами о помощи: кому деньгами, кого на казенный счетъ учиться устроить, кого на лѣченіе отправить, кому пенсію выхлопотать.

Богъ послалъ мнѣ именитыхъ друзей, которые ни въ чемъ не отказывали и складывала я всѣ эти просьбы въ конвертъ и адресовала такъ: «Петербургъ, Мойка 91. Его Превосходительству М. А. Стаховичу».

Я была увѣрена, что мой добрый другъ мнѣ ни въ чемъ не откажетъ, а погладитъ свою барскую, пахнущую дорогими сигарами, бороду, скажетъ, слегка въ носъ «а, умная дурочка, опять кучу просьбъ прислала», и выполнитъ все, что можетъ: кому денегъ пошлетъ, за кого похлопочетъ въ казенномъ мѣстѣ.

А кто откажетъ М. А. Стаховичу, члену Государственнаго Совѣта, петербургскому златоусту и отмѣнному хлѣбосолу, у котораго всюду друзья?

И точно, через недѣлку я получала отъ добраго друга такое посланіе :

— «Государыня моя матушка, Надежда свѣтъ Васильевна, все, что ты мнѣ приказать соизволила, исполнено въ точности. Вѣрный по гробъ жизни, холопъ твой Мишка».

Всегда такъ. Хлопочеть, дѣлаетъ дѣла добрыя и за трудъ не почтетъ, и все въ шутку обратитъ. А дѣлалъ все это онъ потому, что былъ у него добрый умъ и нужду людскую онъ понималъ. Онъ настоящимъ баринномъ былъ и любилъ деревню и зналъ мужика и пѣсню русскую умѣлъ слушать.

Когда желалъ М. А. Стаховичъ послушать пѣсенъ, никогда пѣть не просилъ, а такъ издалека подойдетъ: артистъ самъ загорался и пѣлъ не по просьбѣ, а по вдохновенію.

Однажды, въ день моихъ именинъ, онъ такой милой хитростью обошелъ и Шаляпина, и пѣлъ Федоръ Ивановичъ такъ, что я никогда не забуду.

Помню еще, какъ пригласилъ меня М. А. Стаховичъ погостить у него недѣли двѣ въ имѣніи на черноморскомъ побережьи, въ восьми верстахъ отъ Сочи.

Я пріѣхала, а тамъ уже гостятъ Марія Валентиновна и Федоръ Ивановичъ Шаляпина, артистка французской комедіи Роджерсъ. Ждали и Максима Горькаго, но что-то его задержало.

Былъ тяжелымъ для меня тотъ пятнадцатый годъ: 28 января на фронтъ смертью храбрыхъ палъ мой любимый, женихъ, а 5 іюля я похоронила мою матушку, родную старушку.

Тяжкое горе тогда закрыло отъ меня мглою весь Божій свѣтъ. Но на черноморскомъ берегу, я снова стала примѣчать, что не погасъ день красы Божьей, какъ былъ, такъ и стоитъ, и солнце такъ же свѣтитъ какъ и раньше. И черная мгла горя и слезъ понемногу стала разсѣиваться. Солнце заглянуло и въ мою осиротѣлую душу.

При въѣздѣ въ имѣніе Стаховича, изъ воротъ, потонувшихъ

въ розахъ, показалась навстрѣчу-крытая телѣга. Я подумала — «какъ она похожа на гробъ».

— Что за телѣга? — спросила я шоффера.

Тотъ что-то отвѣтилъ неразборчиво.

Кончилась банановая аллея, мы подъѣзжали къ дому. Тамъ яркимъ вишневымъ пятномъ горѣло платье Марьи Валентиновны и стояли двое въ бѣломъ съ головы до ногъ: я узнала богатырскую фигуру Шаляпина, узнала и милаго хозяина, похожаго холеной бородой на дѣдушку Авраама.

При встрѣчѣ всѣ въ домѣ показались мнѣ озабоченными.

Я замѣтила, что Шаляпинъ былъ мраченъ, задумывался и будто не находилъ себѣ мѣста. Только Роджерсъ не унывала, бѣгала на Манесту ванны принимать и по утрамъ долго хлестала себя резиной для омоложенія. Когда мы пили на терассѣ утреннее кофе, Федоръ Ивановичъ пробовалъ шутить:

— Это она во отпущеніи грѣховъ себя бичуетъ.

Но какъ-то ему не шутилось.

За завтракомъ мнѣ подали почту и нѣсколько телеграммъ. Одна изъ нихъ была изъ дому:

— Волненіе вредно, возвращайся домой.

Я поблѣднѣла, читая ее, и подала М. А. Стаховичу, чтобы онъ расшифровалъ мнѣ ее.

Я снова волновалась, ожидая новаго горя, хотя все страшное уже случилось и все дорогое, что было у меня, унесла могила, и что теперь не случись со мной не стоитъ волненія.

Стаховичъ пытался объяснить тревогу моихъ домашнихъ германскимъ «Гебеномъ», который тогда обстрѣливалъ Сочи.

Но послѣ завтрака отозвалъ меня въ сторону дѣдушка Авраамъ и сказалъ вовсе иное:

— Ваши домашніе, вѣроятно, узнали изъ газетъ, что Федя здѣсь у меня въ домѣ убилъ человѣка. Мы это скрыли отъ васъ, чтобы не волновать. Мертвое тѣло лежало здѣсь до слѣдствія. Его увезли за нѣсколько минутъ до вашего приѣзда. Телѣга, ко-

торую вы встрѣтили при въѣздѣ, увозила убитого. Федя, да и мы, конечно, потрясены случившимся. Какъ видите, онъ ходилъ самъ не свой.

Послѣ разговора съ хозяиномъ, я пыталась успокоить Федора Ивановича.

Сама судьба привела несчастнаго юродиваго бродягу за смертью въ спальню великаго пѣвца.

Чѣмъ иначе объяснить выстрѣлъ Шаляпина ночью, въ потемкахъ, безъ прицѣла? Но пуля угодила несчастному бродягѣ прямо въ сердце. Не судьба ли? Я говорила Шаляпину, что каждый поступилъ бы также, какъ онъ.

Поѣмному Федоръ Ивановичъ сталъ успокаиваться, а семнадцатаго сентября когда были срѣзаны въ саду всѣ розы и столовая благоухала, какъ пышная оранжерея, сидѣли за праздничнымъ столомъ три именинницы. Нашъ хлѣбосольный хозяинъ превзошелъ самого себя.

Федоръ Ивановичъ былъ веселъ, но пѣть не собирался, а всѣ желали услышать его.

Хозяинъ и началъ тогда свой хитрый обходъ. Онъ вспомнилъ какой-то вечеръ, необыкновенный, чудесный, когда пѣлъ Шаляпинъ.

— Что это было, ахъ что это было. И какъ ты, Федя, пѣлъ, Боже мой.

Тутъ хозяинъ, потряхивая сѣдой бородой, самъ запѣлъ фальшивымъ голосомъ:

— Ты взойди-и со-о-л-нце кра-а-асное.

— Какъ ты пѣлъ, Федя. Вся Россія въ твоей пѣснѣ дышала, — воскликнулъ онъ горячо.

У Шаляпина разгорѣлись свѣтло-сѣрые глаза.

Хозяинъ посмотрѣлъ на меня мелькомъ: «ну, теперь, слушайте».

И Федоръ Ивановичъ запѣлъ, не примѣтивъ дружеской хитрости.

Мы притихли, притаились, мы погружались всѣмъ существомъ въ каждый горящій звукъ великаго пѣвца. Да, это пѣла сама душа Россіи.

✽

Я вспомнила милаго Стаховича, вспомнила добрыхъ друзей и мой черный пятнадцатый годъ, смерть жениха и кончину матушки.

Воспоминанія унесли меня впередъ.

Нѣтъ, вернусь лучше назадъ, къ первымъ годамъ, къ первымъ концертамъ, когда еще была въ живыхъ моя мать.

Хорошихъ людей посылалъ мнѣ Богъ на моемъ пути и какъ же не вспоминать о нихъ. О людяхъ, по моему разумѣнію, дурныхъ, я забывала тотчасъ, какъ только ихъ по настоящему узнавала.

Враговъ, я думаю, у меня не было. Поэтому для нихъ и мѣста нѣтъ въ моей памяти.

Мнѣ нынче кажется, что я не жила, а все радовалась.

Въ прошломъ я принимала богатые дары отъ судьбы. Въ настоящемъ я живу прошлымъ, любовной памятью о немъ, и вотъ въ памяти моей, всплываетъ московскій вечеръ у К. С. Станиславскаго, кажется, въ Каретномъ ряду.

Съ Л. Вишневымъ я поднялась по лѣстницѣ и наверху меня встрѣтилъ самъ К. С. Станиславскій. Онъ подалъ мнѣ цѣлый снопъ красныхъ гвоздикъ и подъ руку ввелъ меня въ залъ. Насъ остановили рукоплесканья тѣхъ, кто запретилъ рукоплескать самимъ себѣ въ своемъ театрѣ — храмѣ, съ чайкой на сѣромъ занавѣсѣ. Благодарно я поклонилась всему высокому собранію художниковъ московскихъ.

Всѣ волшебники московскіе были тутъ въ сборѣ и шумѣли и веселились, точно ребята.

На широкомъ диванѣ, поджавъ ноги, сидѣла клавесинистка Ванда Ландовская.

Бархатное черное платье, прическа на проборъ, ну въ точь — старинный портретъ сороковыхъ годовъ, а рядомъ съ нею сидитъ все замоскворѣчье въ лицахъ, — нашъ любимый И. М. Москвинъ.

Я скажу, что его голосъ мягкій и ласковый и рѣчь родную, чистую, мнѣ было пріятнѣе слушать, чѣмъ клавишины Ванды Ландовской.

Кому посчастливилось бывать среди московскихъ волшебниковъ, тотъ знаетъ какое свѣтлое наслажденіе слушать ихъ талантливыя шутки, быстрыя остроты, причудливыя выдумки.

Конечно, я тогда пѣла. Имъ моя пѣсня понятнѣе, чѣмъ пѣвцамъ. Пѣвцу важнѣе куда направить звукъ, а художнику слова — важнѣе лѣпка и переживание.

Въ этотъ вечеръ, я слышала какъ Лужскій сказалъ Вишневному :

— Ты замѣтилъ, у Плевацкой расширяются зрачки, когда поетъ. Это значитъ, что душа горитъ. Это и есть талантъ.

А Станиславскій далъ мнѣ тогда одинъ хорошій совѣтъ :

— Когда у васъ нѣтъ настроенія пѣть — сказалъ онъ, — не старайтесь насиловать себя. Лучше въ такомъ случаѣ смотрѣть на лицо, которое въ публикѣ больше всѣхъ вамъ понравилось. Ему и пойте, будто въ залѣ никого кромѣ васъ да его и нѣтъ.

Совѣтъ Станиславскаго не пропалъ даромъ. И теперь имъ пользуюсь, когда пѣніе не ладится.

Выйду на эстраду, осмотрю залъ, гдѣ обыкновенно бываетъ много милыхъ лицъ и, глядя на нихъ, поддаюсь хорошему настроенію. При этомъ я всегда вспоминаю Константина Сергѣевича. Образъ московскаго мага въ ослѣпительной сѣдинѣ, можетъ-быть, больше всего вдохновляетъ меня.

Съ благодарностью вспоминаю я моихъ добрыхъ друзей, которые не только слушали мои пѣсни, но помогали мнѣ жить и, можно сказать, воспитывали меня.

Помню, какъ они уговорили меня оставить мысль объ оперетѣ, куда меня одно время влекло.

Помню, какъ на одномъ концертѣ, я, по совѣту моихъ высокихъ друзей, сняла брилліанты, надѣвъ ихъ для концерта слишкомъ много.

Однажды, на вечерѣ у Половцева, въ присутствіи Великихъ Князей, я не удержалась и прошлась въ пляскѣ подъ пѣсни цыганъ, которыхъ очень люблю. Черезъ нѣсколько дней, на одномъ изъ вечеровъ у Великой Княгини Маріи Павловны, Князь Ю. И. Трубецкой, покидая по дѣламъ дворецъ до конца концерта, взялъ меня за руку, какъ маленькаго ребенка, подвелъ къ своей женѣ, Княгинѣ Маріи Александровнѣ, и сказалъ :

— Мэри, я ухажу и оставляю ее на твое попеченіе. Смотри за ней, чтобы она опять какихъ-нибудь глупостей не надѣлала.

Глупостью, по его мнѣнію, была моя цыганская пляска.

Онъ полагалъ, что народная пѣвица не должна носиться въ цыганщинѣ.

А стоило мнѣ, бывало, прихворнуть, какъ друзья спѣшили ко мнѣ со своими услугами.

Профессоръ по горловымъ болѣзнямъ Симоновскій, чертыхаясь черезъ каждыя два слова, загибалъ меня недѣли на двѣ, даже при маленькой простудѣ, а вечеромъ пріѣзжалъ навѣдаться, не ушла ли я изъ дому.

Квартира наполнялась цвѣтами: даже и похворать тогда было пріятно.

М. А. Стаховичъ, заботясь о моемъ образованіи, присылалъ книги полезныя для чтенія и какъ былъ самъ толстовецъ, то прислалъ мнѣ всѣ сочиненія великаго писателя.

Я добросовѣстно и любовно прочла «Анну Каренину», «Войну и миръ» и всѣ художественныя произведенія. Но послѣ «Разрушеніе ада и возстановленія его» читать Толстого я перестала.

Послѣ этого «Разрушенія» исчезъ образъ добраго художника, величественный, какъ вершина снѣговой горы, и предста-

вился мнѣ злой и желчный старикъ, который и Бога и ангеловъ, и людей, и чертей, всѣхъ ругаетъ, всѣ у него злые. Одинъ онъ справедливъ, одинъ онъ всѣмъ судья.

Въ этомъ впечатлѣніи я боялась признаться Михаилу Александровичу, покуда онъ самъ не спросилъ, продолжаю ли я чтеніе Толстого.

Тутъ я, извинясь за невѣжество свое бабье, призналась, что разлюбила Толстого за его недобрую мудрость, за злой старческий умъ.

Къ изумленію моему Михаилъ Александровичъ со мной согласился и сказалъ, что преклоняется передъ Толстымъ-художникомъ, но не признаетъ въ немъ богослова.

Такъ я училась въ тѣ годы.

В. Д. Рѣзниковъ возилъ меня по всей Россіи, но ее, Матушку, развѣ измѣришь?

Въ Царскомъ Селѣ, въ присутствіи Государя, я пѣла уже не разъ.

Было пріятно и легко пѣть Государю. Своей простотой и ласковостью Онъ обвораживалъ такъ, что во время Его бесѣды со мной я переставала волноваться и, нарушая правила этикета, къ смущенію придворныхъ, начинала даже жестикулировать.

Бесѣда затягивалась. Свитскіе, пожилые господа, утомясь ждать, начинали переминыться съ ноги на ногу.

Иной разъ до меня долеталъ испуганный шопоть:

— Какъ она съ Нимъ разговариваетъ!

Это относилось къ моей жестикуляціи.

Но Государь, повидимому, не замѣчалъ моихъ дурныхъ манеръ, и Самъ, нѣтъ-нѣтъ, да и махнетъ рукой. Какъ горячо любилъ Государь все русское.

Я помню праздникъ въ гусарскомъ полку, большой концертъ съ участіемъ В. И. Давыдова, Мичуриной, Лерсаго и оперныхъ итальянцевъ. Я была простужена и пѣла изъ рукъ вонъ.

Государь замѣтилъ мое недомоганіе и, ободряя меня, передалъ черезъ Алексѣя Орлова, что сегодня Онъ особенно мной доволенъ.

Я до слезъ была тронута Его чуткостью, но знала, что пою ужасно. Государь долго мнѣ аплодировалъ. Меня усадили за столъ недалеко отъ Него. Онъ ободряюще на меня посмотрѣлъ.

Послѣ меня на эстраду вышелъ итальянскій дуэтъ.

Государь взглянулъ въ программу, посмотрѣлъ на итальянцевъ, и затѣмъ на меня.

Голоса итальянскихъ пѣвцовъ звенѣли чистымъ хрусталемъ и казалось, что залъ не вмѣститъ ихъ. Но и послѣ побѣднаго финала, Государь остался холодець и похлопавъ раза два, отвернулся и снова посмотрѣлъ на меня, точно желалъ сказать глазами: «теперь ты поняла, что хотя ты и безголосая, но поешь родныя пѣсни, а они пусть и голосистые, да чужіе».

Государь не разъ говорилъ мнѣ о желаніи Ея Величества послушать меня. Но какъ-то все не удавалось.

Въ Ялтѣ каждый годъ Государыня устраивала трехдневный благотворительный базаръ, который, всегда заканчивался концертомъ. Въ этомъ концертѣ я ежегодно участвовала, но Государыня за дни базара такъ уставала, что на концертѣ никогда не присутствовала, а посѣщали его Государь и всѣ Великія Княжны.

Мой успѣхъ въ Царскомъ кому-то не нравился. Я получала много анонимныхъ писемъ.

Однажды, въ день концерта въ Царскосельской ратушѣ, я получила письмо, въ которомъ неизвѣстный доброжелатель уго-

варивалъ меня не ѣхать въ Царское, такъ какъ на меня готовится покушеніе.

Я передала письмо Командиру конвоя. Онъ сказалъ мнѣ по телефону, что все это глупости. Да и я думала тоже.

Вечеромъ, отправляясь въ Царское Село, я сѣла въ карету у подъѣзда Европейской гостинницы и замѣтила, что за мной неотступно слѣдуетъ лихачъ съ двумя господами въ чиновничьихъ фуражкахъ.

На Царскосельскомъ вокзалѣ двое этихъ чиновниковъ не спускали съ меня глазъ. Въ вагонѣ они сѣли рядомъ со мной.

Тутъ я подумала, что это вѣрно мои убійцы и есть.

Въ Царскомъ они проводили меня до ратуши, а потомъ куда-то исчезли.

Чтобы не прослыть трусихой я никому ничего не сказала.

Но каково же было мое волненіе, когда, на обратномъ пути, снова замаячили два этихъ господина. Они слѣдовали за мной до самой гостинницы. Когда я была, наконецъ, у себя, мнѣ позвонилъ изъ Царскаго Князь Трубецкой, освѣдомляясь, все ли благополучно.

Я сказала, что покуда жива, но какіе-то разбойники за мной слѣдили неотступно, а что они намѣрены дѣлать дальше, не знаю.

Князь посмѣялся и успокоилъ меня, сказавъ, что эти чиновники были присланы не для убійства, а для моей охраны, изъ за анонимнаго письма.

**

Въ 1911 году я подписала контрактъ съ Д. В. Рѣзниковымъ и обязалась спѣть сорокъ концертовъ по всей Россіи. Мое турне началось съ половины сентября.

Въ эту поѣздку я должна была впервые, послѣ многихъ лѣтъ, посѣтить свой родной Курскъ.

Ко дню моего приезда была приурочена свадьба моей старшей сестры Дуечки, которая до того не могла выйти за любимого жениха, по своей бѣдности.

Родители жениха кромѣ хорошей Дуечки, еще желали получить: шкафъ, кровать, ротонду на лисьемъ мѣху съ куньимъ воротникомъ, — обязательно съ куньимъ, — да перину, да четыре подушки.

Сверхъ того и комодъ и сундукъ, да чтобы былъ огромный.

Вотъ моя бѣдная Дуечка и работала неусыпно, чтобы доколотиться до свадьбы, до счастья.

Долго пришлось бы ей ждать, если бы не пришло счастье ко мнѣ. Моя Дуечка, какъ въ сказкѣ, вдругъ стала въ Курскѣ богатой невѣстой.

Все, что желали будущія свекоръ и свекровь, все явилось, какъ по щучьему велѣнью.

А сундукъ огромный наполнился такимъ богатымъ добромъ, какого и не чаяла скопидомка-свекровушка.

Въ Курскѣ я приѣхала въ шесть часовъ вечера, а въ половинѣ седьмого было назначено вѣнчаніе.

На вокзалѣ меня уже ждала карета и я поѣхала прямо въ Воскресенскую церковь.

Отъ вокзала до церкви четыре версты. Мимо милыхъ, издавна знакомыхъ деревянныхъ домовъ, мимо желтоватаго строенія съ окнами въ рѣшеткахъ, изъ-за которыхъ смотрятъ на волю несчастные, — по знакомымъ улицамъ торопилась я къ вѣнчанію.

Вотъ, направо отъ Московскихъ Воротъ, дорога на Коренную пустынь.

По той самой дорогѣ босоногая, осьмилѣтняя Дежка впервые пришла съ матушкой въ городъ и тогда дивилась всему.

А будго недавно все было. Будто только вчера скакала тутъ Дежка на палкѣ верхомъ, и кажется такъ недавно радовалась

Дежка новымъ лаптямъ, которые сплелъ братъ изъ мелко-нарѣзанныхъ лыкъ, чтобы побаловать сестренку. А теперь та самая босая Дежка въ барской каретѣ и въ парчевыхъ туфелькахъ.

Я видѣла много городовъ, баловали меня въ столицахъ, но такого волненія свѣтлаго, благодарнаго, какъ въ моемъ родномъ Курскѣ, не испытывала нигдѣ.

Вблизи столь знакомыхъ мѣстъ дѣтства, я ясно понимала какое чудо свершилось со мной.

Къ церкви Воскресенія пробраться было трудно.

Толпа запрудила улицу, остановили трамваи.

Кто-то вручилъ мнѣ букетъ. Я иду въ храмъ, устланный коврами. Ярко сіяетъ люстра. Льетъ хоръ.

Сѣдовласый, добрый протодіаконъ, славный въ Курскѣ тѣмъ, что служить *особливо торжественно*, возгласилъ:

— О свыш-немъ ми-рѣ и о спа-се-ніи душъ на-шихъ...

Расширить грудь, какъ бы воздуху набирая, а голосъ его мощный гремитъ и будто нѣтъ грому конца.

Прогремитъ возгласъ и на меня покосится: не то одобренія ждетъ, не то разглядываетъ мою бриллиантовую брошь съ двуглавымъ орломъ, о которой въ газетахъ писали, что я получила ее изъ кабинета Его Величества.

Кончилось вѣнчаніе. Я обняла мою Дунечку, трепещущую отъ радости. Представительнаго В. Д. Рѣзникова, который сопровождалъ меня, всѣ приняли за министра и почтительно предъ нимъ разступались.

При выходѣ на паперть, гимназистка попросила у меня цвѣтокъ изъ букета на память. Я дала и мигомъ отъ моего букета остались одни корешки, да и они, далеко отъ меня, мелькали надъ головами.

Радостной была моя встрѣча съ матушкой и братомъ Николаемъ у молодыхъ. Жена Николая, Параша, такъ и топорщи-

www.elan-kazak.ru
лась отъ удовольствія, а мать все гладила меня по лицу и ласково шептала :

— Дежечка, Дежка, краля моя, да скажи-же ты мнѣ, да неужто самъ Царь-батюшка слушалъ пѣсни наши, мужицкія? И сподобилъ же, Милосердный, дождаться мнѣ радости такой, счастье дѣтей своихъ увидѣть.

А за свадебнымъ ужиномъ, помолодѣвшая отъ радости Акулина Фроловна, поднялась съ полной чаркой церковнаго вина и поклонясь Дуничкѣ и мнѣ, сказала :

— Авдотья Васильевна, Надежда Васильевна, за ваше здорье !

И до дна выпила чарочку.

Свадебный ужинъ проходилъ на городской ладъ, безъ пѣсень, но Акулина Фроловна того не стерпѣла :

— Какъ же такъ, чтобы честной свадебный пиръ, да безъ пѣсень былъ ?

И молодо и лукаво запѣла моя матушка, глядя на молодыхъ :

— Ой Василекъ Ягорупка —
Василекъ, василечками
Ягоровичъ снаряженъ.
Во теремъ идетъ
Золотымъ кольцомъ
Котится
Къ Авдотьюшѣ голубчикомъ
Мечется.

Я помогла, какъ умѣла, пѣть моей матушкѣ. Глядя на ея помолодѣвшее лицо вельзя было и повѣрить, что ей уже семьдесятъ лѣтъ. Что дѣлаетъ счастье !

Съ досадой и неохотой покинула я наше милое семейное торжество, но завтра концертъ и мнѣ надобно поберечь силы, чтобы предстать съ честью предъ Курянами.

Великолѣпный залъ Курскаго Дворянскаго собранія какъ пчельникъ гудитъ отъ толпы.

Въ артистическую то и дѣло стучатся, но ко мнѣ никому не попасть.

В. Д. Рѣзниковъ, всей своей министерской фигурой заслоняетъ дверь и вѣжливо проситъ пожаловать, но только по окончаніи концерта. Во время концерта ни телеграммъ, ни писемъ, а тѣмъ болѣе посѣтителей онъ не допускалъ.

А я не отходила отъ зеркала и такъ прихорашивалась, что горничная замѣтила :

— Ужъ такъ вы хорошо выглядите, словно къ вѣнцу.

Но мнѣ все казалось, что я не такъ хороша и сердце сжималось, ну, право, какъ у невѣсты.

Для кого же готовила себя ?

Да, для нее, матушки милой, Акулины Фроловны. Она еще не видѣла меня на эстрадѣ. Ее я порадовать желала. Ей пѣть буду сегодня, ей одной.

Съ нетерпѣніемъ я ждала звонка. Скорѣй бы выйти.

И вышла. Залъ загремѣлъ отъ рукоплесканій.

Я нашла родное, поблѣднѣвшее отъ волненія, лицо моей старушки во второмъ ряду.

Я поклонилась публикѣ направо и налево, а матушкѣ моей поклонилась ниже всѣхъ и въ особицу.

Она замѣтила, она поѣяла, заулыбалась и привстала и въ свой чередъ поклонилась мнѣ.

Повернулись всѣ головы въ сторону моей матушки. По залѣ пронесся шопоть :

— Это ея мать, мать.

И еще сильнѣе загремѣлъ залъ отъ рукоплесканій.

И казалось мнѣ, что въ залѣ всѣ до одного человѣка мои друзья, а сгорбленная, повязанная темнымъ платкомъ старушка-крестьянка была мнѣ дороже всѣхъ и въ этомъ залѣ и во всемъ свѣтѣ.

За всю свою долгую суровую жизнь она впервые была въ такомъ парадномъ залѣ, шумящемъ нарядной толпой. Она даже не знала, что рукоплесканіе это — привѣтствіе. Впервые она слышала ихъ, но знала по истовой крестьянской учтивости, что на поклоны надобно отвѣчать поклонами, потому-то встала и раскланялась со мной при всемъ честномъ народѣ.

Въ тотъ вечеръ я пѣла, рассказывала свои пѣсни такъ, словно вела душевную бесѣду съ дорогимъ другомъ, открывая ему свои горести и радости.

Въ антрактѣ самъ губернаторъ подошелъ къ матери и поздравилъ ее съ успѣхомъ дочери. Разныя высокопоставленные лица Курска оказали ей столько вниманія, что Акулина Фроловна шепнула Дуничкѣ увести ее домой.

А на другой день у меня было пріятное утро : ко мнѣ приходили Винниковскіе земляки, рассказывали новости деревенскія, до которыхъ я была большая охотница.

Мой концертъ имъ понравился. По ихъ словамъ я здорово раздѣлала «комариковъ».

— Чисто, по нашему, по деревенски.

Не меньше пѣсенъ имъ понравился и мой нарядъ :

— Такъ и сіяла вся, а серьги и жарелки на шеѣ, какъ молонья сверкали. Заглядѣнье.

Но, странно сказать, вовсе не понравился землякамъ особо выписанный изъ Москвы для моего Курскаго вечера виртуозъ на цитрѣ, профессоръ Юдко.

Винниковскіе земляки увѣряли, что «эфтотъ баринъ съ бородкой и въ черной кацавейкѣ съ хвостиками позади, сидѣлъ на стулѣ ровно козелъ, а скрипѣлъ — чисто немазанная телѣга».

— И до того скрипѣлъ, ажъ не въ моготу.

Мнѣ не удалось ихъ убѣдить, какой это чудесный инструментъ и какой искусный музыкантъ профессоръ Юдко. Земляки уперлись на своемъ, что пастухъ Давыдушка, глухой, «на лудкѣ куда сурьезнѣе высвистываетъ, а про гармониста Ваньку Юдича и говорить нечя. Тотъ какъ заиграе, суставы ходоромъ ходятъ».

Трудно было спорить съ такимъ убѣдительнымъ примѣромъ. Это не шутка, когда до суставовъ дѣло доходить и когда ихъ обладатель, выбивая огненную дробь подъ лихую Ванькину гармонь, — тряхнетъ головой, заломитъ шапку на затылокъ, прискажетъ :

— Раздергало тебе,
Раздергало тебе, —

Да какъ гикнетъ, да и доскажетъ ногами :

— Какъ закипѣла его кровь,
Какъ все ходитъ ходоромъ —
Ходи хата, ходи печь,
Хозяину негдѣ лечь.
На печи горячо,
На лавочкѣ узко.

И впрямь «кто устоитъ, кто не захмѣлѣетъ?»

Когда уходили мои Виѣниковскіе гости, шумно прощаясь со мной, въ дверяхъ показался мой братъ Николай, а за нимъ веснущатое, сердитое лицо его жены Парашки.

По ея воинственному виду можно было догадаться, что она бранитъ Николая еще съ дома, а теперь доругиваетъ :

— Ужо достанется тебе, родимцу безстыжему.

Николай вошелъ съ картузомъ въ рукахъ, усиленно приглаживая и безъ того тщательно расчесанную голову.

Его носъ блестѣлъ отъ пота, а волосы были мокрыми отъ воды. Сѣрые глаза виновато мнѣ улыгнулись.

— Что, Никола, Параша вѣрно тебя холодной водой поливала? — сказала я.

— Такъ поливала, что чуть не захлебнулся, а теперь все грызеть, неотвязная. А дома мать и Дуня на меня наступали, думаль, побыють. Говорять, что я тебя на весь Курскъ осрамилъ.

— Ну, ничего, Никола, не бойся. Если они на тебя втроемъ напали, я заступлюсь. Что ты набѣдокурилъ, за что тебѣ такую войну объявили?

— Я расскажу, — подскочила Параша, не позволивъ ему рта раскрыть.

И тутъ рассказала Параша, какую Николай, родимецъ его надсади, страмотовищу учинилъ: спервоначалу на Дуниной свадьбѣ танецъ напился, что подъ столомъ спалъ, поутру совѣстно и въ глаза людямъ смотрѣть.

Николай не выдержалъ и крикнулъ:

— Вотъ, вредная баба.

— Ну, а вчера, — продолжала вредная баба, — съ утра Княжой справляли и опохмѣлялись до вечера. Пьянъ онъ былъ до безчувствія, а про твой концертъ вспомнилъ. И супостатъ его знаетъ, какъ до того дошелъ, гдѣ ты пѣла. Къ дверямъ подошелъ, его городовые не пускаютъ, а онъ ихъ хамами выругалъ.

— Не хамами, а барбосами — поправилъ Николай.

— Вотъ какой озорной, за такія слова его въ кутузку посадить слѣдовало.

— Да не по твоему вышло, — силился Николай вступить въ споръ.

— А когда городовые ему сказали, что въ залу его не пустягъ, что для такой публики билеты всѣ проданы, онъ какъ ударить себя въ грудь — какъ нѣту билетовъ, я Николай Васильевичъ Винниковъ, я братъ Плевицкой и желаю слушать, какъ моя сестра пѣсни поетъ. Тутъ околоточный подошелъ и уговаривать сталъ, что, моль, нехорошо въ этакоемъ разстроен-

номъ видѣ въ залъ ходить и сестрицѣ непріятности дѣлать. А онъ все куражится и такъ въ дверяхъ нашумѣлъ, что самъ полицеймейстеръ пришелъ, да замѣсто того, чтобы его, безстыжаго въ участокъ отправить, говоритъ околоточному: «вы, говорить, посадите господина Винникова въ мой экипажъ и покажите ему городъ Курскъ. Да на мой счетъ и угощайте его, сколько его душенька приметъ, а я концертъ слушать пойду». Вотъ они и гуляли всю ночь. Только-только домой заявился и околоточный съ нимъ, такой же видно пьянчуга. По служебнымъ, говоритъ, обстоятельствамъ все въ порядкѣ и Николая Васильевича къ мѣсту доставилъ. Къ мѣсту доставилъ!

— А ночеваль гдѣ? — вдругъ подступила Параша къ Николаю.

— Вотъ, лютая баба, да уйми ты, Надя, ее, — взмолился Николай. — Пристала, будто я кого обокралъ. А ночеваль я тутъ же, въ этой самой гостинницѣ, наверху. Господинъ полицеймейстеръ приказалъ околоточному, чтобы, значить, денегъ не жалѣть, ну онъ и возилъ меня, гдѣ лучше. А что пьянъ былъ, такъ отъ радости: Дуню замужъ выдавалъ, сестра Надя прѣхала. Какъ тутъ не выпить.

Приходъ губернатора прервалъ ихъ семейный споръ. Параша стремительно спряталась въ мою спальню, утащивъ за собой Николая.

Губернаторъ прѣхалъ благодарить меня за посѣщеніе Курска и взялъ слово, что я прѣйду на концертъ георгіевскихъ кавалеровъ. Я слово дала, потому что и цѣль прекрасная и пріятно побывать въ родныхъ мѣстахъ.

Губернаторъ ушелъ и Параша выбралась изъ-за ширмы и только стала разбирать по косточкамъ виѣшность губернатора, какъ доложили о приходѣ полицеймейстера.

Словно громъ ударилъ: Параша ни жива ни мертва бросилась за ширмы. Ей казалось, что для Николая насталь часъ расплаты.

А полицеймейстеръ пріѣхалъ только для того, чтобы извиниться предо мной, что не пустилъ брата на концертъ.

Я его поблагодарила за это и нашла, что онъ поступилъ и мудро и гостепріимно.

Бесѣдуя съ нимъ, я едва удерживала смѣхъ, зная, какъ трепещеть за ширмами вчерашній буянь.

Какъ только закрылась за полицеймейстеромъ дверь, вышла Параша. Она была свидѣтельницей моего разговора съ такимъ важнымъ начальствомъ, и до того прониклась ко мнѣ уваженіемъ, что стала называть меня на Вы.

— Испужалъ меня до страсти — говорила Параша — за Николаемъ думала пришелъ.

— Подъ кровать, дура, вздумала меня прятать, — жаловался Николай.

Я посовѣтовала имъ больше не ссориться.

— Все хорошо, что хорошо кончается, — сказала я.

— Дыть ежели ты не серчаешь, стало-быть все и хорошо, согласился братъ.

Я спѣшила въ монастырь къ моимъ старымъ наставницамъ, гдѣ ждала меня мать и сестра съ мужемъ. Параша помогла моимъ сборамъ. Я попросила ее зажечь въ спальнѣ свѣтъ.

— А сѣрники гдѣ лежатъ? — спросила она.

— Сѣрниковъ неужно.

— А какъ же безъ сѣрниковъ огонь вздую? — усумнилась Параша.

— Поверни ту штучку, — указала я на штепсель, — и люстра загорится.

Она посмотрѣла на меня съ недоувѣріемъ, думая, что я шушу. Потомъ съ опаской подошла къ выключателю и, не рѣшаясь за него взяться, проговорила:

— Неужтъ правда, если я поверну этакой крантикъ, огонь загорится? — Тутъ же быстро повернула, въ страхъ отскочила и остолбенѣла предъ зажженной люстрой.

— Нечистая сила, Господи Сусе Христе!

Параша крестясь отбѣжала въ другой уголь.

— Нашла нечистую силу? — язвилъ Николай. — Тутъ наука и электричество, а бабѣ все одинъ чортъ.

Выйдя изъ гостиницы безъ Николая и Параша, я скоро была у Святыхъ воротъ монастыря.

Я быстро поднялась по давно знакомой лѣстницѣ, остановилась у чуть пріоткрытой двери и сказала:

— Господи, Исусе Христе Боже нашъ, помилуй насъ.

— Аминь, — отвѣтилъ старческой голосъ и зашелестѣли ко мнѣ навстрѣчу мягкіе, поспѣшные шаги. Сердце мое забилося, я склонила голову, принимая благословеніе. Бѣлыя, тонкія руки монахини вѣжно обняли меня.

— Здравствуй, Надичка, хорошая, вотъ и дождались тебя. Спаси тебя Господи, что насъ не забыла, — сквозь слезы говорила матушка Клеопатра.

— Ахъ, ты, нашъ паучокъ милый, — вторила ей матушка Конкордія, крѣпко обнимая меня.

За столомъ, на диванѣ, сидѣла моя мать и утирала умиленные слезы.

А старушки хлопотали:

— Ну, садись, Надичка, съ чайкомъ тебя ждали. Самоваръ искипѣлся весь. Ужъ Акулюша два раза угольковъ подбрасывала.

— Нѣтъ, не сяду, покуда всего не осмотрю, — и побѣжала я по всѣмъ келіямъ.

Вотъ диванъ, на которомъ спитъ матушка Конкордія, онъ же ей и сундукъ замѣняетъ.

Вотъ, посреди келіи, пяльцы съ натянутымъ одѣяломъ.

Сколько вечеровъ просниживала за этими пяльцами монастырка Дежка, стегая нарядныя атласныя одѣяла. Бывало рабо-

таемъ мы и распѣваемъ псалмы про «юнаго Отшельника», про «птиць пѣвцовъ поднебесныхъ, что своему Господу славу поютъ» и про Назорея :

— Бѣлы ризы златотканны,
Назорею тому даны.

Какъ тихо и чисто льются наши дѣвичьи голоса. Подпѣваетъ матушка Конкордія, трудясь надъ украшеніемъ образовъ. Въ раскрытыя двери кельи доносятся тихія голоса матушки Клеопатры и матушки Ефиміи, вторятъ старыя монашки тихому хору молоденькихъ послушницъ. И льются-льются блаженныя пѣсни, и ясно на душѣ и сердце наполнено любовью чистой и вѣрой.

Какъ тогда быстро бѣжало время въ трудѣ и псалмахъ и какъ спорилась работа въ нашихъ молодыхъ рукахъ.

— А почему пуста келія матушки Ефиміи ? — очнулась я отъ воспоминаній на порогѣ одной кельи.

— Въ богадѣльнѣ теперь живетъ — отвѣтила мнѣ хроменькая Даша, сестра Конкордіи. — Ослѣпла, состарилась, бѣдная.

— А гдѣ Поля, гдѣ Дуня — золотошвейка ? — забрасывала я вопросами Дашу.

Она, крестясь, отвѣчала :

— Умерла Поля, царство ей Божіе. А Дуня ушла изъ монастыря. Замужъ вышла. Такая же прыткая была, какъ ты.

Старая Даша улыбнулась и погрозила мнѣ :

— Ты хоть недолгонько была въ обители, а она-то пятнадцать лѣтъ и скуфью уже носила, а вотъ, вишь ты, искушеніе какое.

Я обошла всѣ обительскіе уголки, даже на чердакъ поднялась и посмотрѣла на Курскъ въ слуховое окно. Въ дни юности смотрѣла я оттуда на жизнь мирскую, когда были заперты монастырскія ворота.

Въ келіи матушки Клеопатры весело шумѣлъ начищенный

самоваръ, а столъ, у котораго хлопотала краснощекая Акулюша, былъ накрытъ бѣлоснѣжной скатертью и уставленъ вазочками съ разными варекьями да кренделями.

Всего отвѣдать просили гостепріимные хозяева, усадивъ меня на твердый деревянный диванъ.

И заворковали вокругъ меня три дорогихъ старушки и забаякали своей ласковой бесѣдой, а я прилегла, свернувшись клубочкомъ, на плечо матери и почувствовала себя забалованной маленькой Дежкой.

И казался мнѣ далекимъ тотъ шумный миръ, изъ котораго я пришла сюда. Далекіа оваціа, почитатели, поклонники, любопытные, весь утомительный хмѣль эстрады.

Здѣсь по прежнему предъ большимъ кіотомъ трепетно, какъ дыханіе молитвы, теплится неугасимая лампада.

По прежнему съ темнаго кіота глядятъ на меня кроткія, свѣтлыя очи Дѣвы Пречистой.

Сколько горячихъ молитвъ предъ чуднымъ образомъ Приснодѣвы вознесла моя юная душа.

— Дай кротости, смиренія, укрѣпи меня слабую, уразуми неразумную, О, Всѣпѣтая! — молилась тогда на колѣняхъ маленькая послушница Дежка.

— А я по милости Твоей, хорошая буду, хорошая, — обѣщала я тогда Матери Господа и клала поклоны, счетъ которымъ знаетъ вотъ этотъ разостланный во всю келію самодѣльный коверъ съ цвѣтами по черному полю.

Мнѣ казалось тогда, что ласково смотрятъ на меня святыя очи пресвѣтлаго лика и какъ ликовало мое сердце, готовое на подвигъ.

А теперь я пришла изъ земной юдоли и утратила чистоту юности и молиться такъ не умѣю, какъ молилась здѣсь раба Божія Надежда.

Душа затосковала о прежнему, но настоящее зоветъ-зоветъ

и я благодарила въ душѣ Матерь Божию за мой новый, украшенный пѣснею, волнующій, тяжкій, но радостный путь.

За чаемъ мы вспоминали о моей особой любви къ иконамъ, которыя были увиты золотымъ виноградомъ, выбитымъ на песочной подушечкѣ искусной рукой матушки Конкордіи.

Въ базарные дни, когда меня посылали продавать въ городъ иконы, я носила только убранныя виноградомъ, а украшенныя бумажными цвѣтами носила Акулюша.

Бывали дни, когда я продавала по нѣсколько иконъ и довольная удачей, относила деньги матушкѣ, зная какъ ей всегда были надобны деньги: то картошка вся вышла, то бураковъ уже нѣтъ.

Мнѣ всегда хотѣлось продать иконы, но когда деревенскія бабы окружали меня, любуясь образомъ, я чистосердечно признавалась, что матушка приказала мнѣ просить за образъ восемьдесятъ копѣекъ, а если не дадутъ, то и за шесть гривенъ отдать.

— Купите, тетушка, — убѣждала я покупательницу. — Образъ прекрасный, а виноградъ, сами видите, какой, къ тому же матушкѣ деньги надобны. А я за васъ помолюсь.

И, продавъ образъ, радостно спѣшила въ обитель. Отдавала тамъ деньги матушкѣ Конкордіи, отбивала обѣщанные поклоны за тетушку - покупательницу, брала новый образъ съ виноградомъ и снова спѣшила на курскій базаръ.

Еще многое мы вспоминали за нашей бесѣдой въ тихой келіи монастырской. И въ тотъ же день, напутствуемая добрыми пожеланіями, молитвами наставницъ, и любовными слезами матери, я покинула Курскъ.

Съ сердцемъ, полнымъ добрыхъ чувствъ, словно готовая міръ обласкать, качала я странствовать по роднымъ просторамъ и городамъ, гдѣ давно меня ждали въ гости.

Въ 1911 году осуществилась моя завѣтная мечта: Мороскинъ лѣсъ, по краю моего родного села, куда я въ дѣтствѣ, на Троицу, бѣгала подъ березку заплетать вѣнки и кумиться съ Машуткой, сталъ моей собственностью.

Къ четыремъ десятинамъ лѣса прилегали двадцать десятинь пахоты и тамъ, гдѣ пахота подходитъ къ лѣсу полукруглой лужайкой, я начала строить домъ-теремъ изъ краснаго лѣса, по чертежамъ моего друга В. И. Кардосысоева.

Моя усадьба граничила съ имѣніемъ М. И. Рышковой и мои сѣверныя окна выходили на чудесную поляну Рышковыхъ, а сочная и буйная трава, а цвѣты на ней были такъ разнообразны и красивы, что соблазняли нарушить заповѣдь — не укради.

Словомъ сказать, это была та самая поляна, на которой дѣдъ Пармень, сторожившій сѣнокосъ барыни Рышковой, не разъ собирался намъ, деревенскимъ дѣвчонкамъ, ноги дрекольемъ переломать, чтобы не повадно было сѣно топтать.

А вверхъ по пригорку, на вкосы, тянулась стежка, которая вела прямо въ цвѣтушій шестидесятинный садъ моей сосѣдки М. И. Рышковой.

Въ то время, когда на моей лужайкѣ, помолясь Богу, застучали плотники топорами, а съ вокзала обозы подвозили красный лѣсъ изъ Ярославской губерніи, Рышкова уже не жила въ своемъ барскомъ домѣ, за прудомъ, у плотины, а поселилась въ саду, въ двухъ небольшихъ домикахъ, подъ соломенной крышей.

Въ одномъ жила сама съ пятью дочерьми, а другой сдала мнѣ въ наемъ на лѣтнее время.

Марья Ивановна была женщина исключительной доброты. Ея святая доброта и была причиной тому, что послѣ смерти мужа, она оказалась въ этомъ домикѣ, подъ соломенной кры-

шей. Но горбатаго одна могила исправить: просители, по старой памяти, и теперь осаждали ее. Она ни въ чемъ имъ не могла отказать и отдавала даже то, что сама гдѣ-нибудь одолжала.

— Хочешь писклятины, садись! — приглашала она пригрюнившуюся бабу-просительницу, которая заявлялась во время обѣда.

— Ышь, а это съ собой возьми для своихъ сопатыхъ, — покрикивала Марья Ивановна и совала бабѣ свертокъ съ пирожками.

Продолговатое, съ большой бородавкой на верхней губѣ, барское лицо Марьи Ивановны, почти никогда не улыбалось, а между тѣмъ, я рѣдко встрѣчала такой веселый добрый умъ, какъ у нее. Безъ тѣни улыбки она умѣла рассказывать такія смѣшныя исторіи, что мы просто изнемогали отъ смѣха, а Марья Ивановна строго удивлялась — «и чего вы смѣетесь?»

Старшей изъ ея пяти дочерей было уже за сорокъ, младшей восемнадцать. Всѣ онѣ были хорошо воспитанныя, прекрасныя русскія барышни.

Въ такомъ миломъ женскомъ сосѣдствѣ я и проводила первое лѣто въ родномъ Винниковѣ.

Домикъ не отличался удобствами, но окружающее своей прелестью искупало все.

**

А до лѣтнихъ отдыховъ въ Винниковѣ я, послѣ продолжительныхъ концертныхъ поѣздокъ съ В. Д. Рѣзниковымъ, возвращалась въ Москву уставшей, безъ силъ. Я теряла въ вѣсѣ десять - пятнадцать фунтовъ и проводила въ отчаяніе домашнихъ отсутствіемъ аппетита.

Но отдохнуть въ московской квартирѣ было трудно. Едва узнавали изъ газетъ о моемъ возвращеніи, съ утра начинались телефонные звонки и все просьбы, просьбы, повидаться и обязательно лично и обязательно по важному дѣлу.

Я уже знала эти дѣла, но все-же принимала просителей. Мои друзья въ дни прїѣзда не звонили, но напоминали о себѣ цвѣтами.

Когда друзья совѣтовали мнѣ меньше удѣлять вниманія телефоннымъ и письменнымъ просьбамъ, я огорчалась, какъ они не понимаютъ, что быть счастливой, не подѣлясь счастьемъ съ другими, — грѣшно.

Потомъ я разобралась, что можно быть доброй, но нельзя быть глупой, а среди моихъ просителей я навѣрно прослыла набитой душой. Вѣдь въ мою московскую квартиру валомъ валили «артисты, трагики, пѣвцы, танцоры», всѣ «только что вышедшіе изъ больницы», «инженеры», даже сѣдовласый въ засаженной рясѣ «отецъ» Николай.

Пришелъ ко мнѣ «отецъ», досталъ изъ кармана сухую, сѣрую просфору и, подавая мнѣ, просилъ помочь его «николаевскому пріюту».

Я просфору взяла, пожертвовала пятьдесятъ рублей на пріютъ, просила извинить, что больше дать не могу, и поцѣловала ему руку.

А онъ былъ самый настоящій жуликъ и вовсе не батюшка.

Или приходитъ краснощекій, мордастый горный инженеръ въ хорошо сшитомъ мундирѣ, — какъ такого не пустить въ квартиру. Повѣдалъ мнѣ инженеръ, съ дрожью въ голосѣ, что его «административно высылаютъ», а его жена — балерина остается въ Москвѣ безъ куска хлѣба. Даже назвалъ номера, гдѣ живетъ несчастная балерина.

Ну какъ ему не помочь, тѣмъ болѣе, что его необыкновенно высылаютъ, а спросить, что такое «административно», неудобно.

Извинилась и вручила ему пятьдесятъ рублей. А черезъ три дня на Дмитровкѣ встрѣтила «инженера» съ двумя, какъ говорится, шикарными дамами. Самъ «инженеръ» былъ въ бобровой

шубѣ и шапкѣ. Онъ вызывающе-нагло посмотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза и не узналъ.

Я даже заплакала отъ обиды, за оскорбленіе самыхъ святыхъ человѣческихъ чувствъ и разсердясь на всѣхъ попрошайекъ, тутъ же прогнала отъ себя оборвыща, который приставалъ ко мнѣ съ милостыней.

Тогда же я рѣшила дома къ телефону не подходить.

Но тутъ позвонила Е. Н. Рощина-Инсарова, и я подошла къ телефону.

— Извини, моя милая, что беспокою, — говорила Екатерина Васильевна, — но неотложно надо помочь одной бѣдной бабѣ. Я собрала кое-что, ты добавь что можешь. Я пришлю мальчика. До свиданья, милая, заранѣе благодарю. Спѣшу въ театръ.

Рощина-Инсарова быстро повѣсила трубку.

Черезъ минуту зазвонилъ опять телефонъ и знакомый хриплый голосъ одного просителя-«трагика» освѣдомился, — былъ ли у меня о. Николай и сколько я ему пожертвовала.

Я сказала сколько и хриплый голосъ выбранилъ меня за скупость.

Тутъ то я и поняла, что о. Николай, трагикъ и инженеръ — шайка одна. Я немедленно позвонила въ Малый театръ и попросила къ телефону Е. В. Рощину-Инсарову. И отъ Екатерины Николаевны узнала, что она звонить и не думала и что ее именемъ неуловимые жулики полъ-Москвы обобрали.

Мы посовѣтовались и рѣшили поймать мнимую «Рощину-Инсарову» въ ту минуту, когда придетъ за конвертомъ мальчикъ.

Екатерина Васильевна позвонила къ полицеймейстеру Модлю, послѣ чего на мою квартиру были присланы сыщики.

Я изъ страха предъ полицейскими чинами ушла въ театръ, а въ мое отсутствіе поймали пришедшаго за конвертомъ парнишку, который оказался переодѣтой женщиной. Благодаря ей

изловили цѣлую шайку, которая обдѣлывала не только легко-
вѣрныхъ москвичей, но и петербуржцевъ.

Долго послѣ того мои близкіе надо мною посмѣивались, а
я божилась, что сердце мое окаменѣло и что теперь я никому
гроша не подамъ.

«Надо въ людяхъ умѣть разбираться», совѣтовали мнѣ дру-
зья. И я старалась разбираться.

Бывало, иду по улицѣ и вглядываюсь въ лица встрѣчныхъ,
и разбираюсь, какіе изъ нихъ жулики, а какіе люди честные.

И все больше выходило — честные.

А попрошайки-мальчишки, синіе отъ холода, дрожащіе, а
старушки съ муфточками, сшитыми изъ тряпочекъ, нищенки, ко-
торыя молча и печально заглядывали въ глаза, топчась на снѣ-
гу и трясясь отъ старости и отъ холода, — какъ не разбирайся,
но и каменное сердце не выдержитъ.

Такъ, досаждали мнѣ въ Москвѣ просители, но, признаюсь
теперь, досаждали и обѣды.

Сколько было бы обидъ, если бы я уѣхала изъ Москвы, не
отвѣдавъ хлѣба-соли у многочисленныхъ моихъ друзей.

Эти пышные обѣды и банкеты отбирали у меня послѣднія
силенки, которыя еще оставались отъ концертныхъ поѣздокъ. А
жестокіе хлѣбосолю къ тому же и пѣсенъ просили.

— Ну спойте, дорогая, ну что вамъ стоитъ.

Сказавшій такія слова сразу становился для меня неприят-
нымъ человѣкомъ. Имъ я даже объяснить не желала, что когда
бы пѣть мнѣ «ничего не стоило» я не теряла-бы по пятнадцати
фунтовъ въ вѣсѣ и не трясла-бы меня за кулисами лихорадка и
не пила-бы я бездну успокоительныхъ лекарствъ и, наконецъ, не
мучилась-бы съ разстроенными нервами.

Пѣсни пѣть, ихъ любить и выносить любимое, загаенное и
душевное, на судъ чужой толпы, стало-быть, что нибудь да сто-
ить. А когда толпа полюбила тебя, возвела на высоту за пѣсни,

то куда какъ надобны силы, чтобы устоять на верху, — вѣдь падать съ высоты страшно, а толпа отъ своихъ любимцевъ требуетъ много, но прощаетъ мало, ничего не прощаетъ.

Вотъ для того-то, чтобы силъ даромъ не бросать, я рвалась изъ Москвы къ себѣ, въ село Винниково, на просторъ.

Тамъ отъ цвѣтущихъ садовъ вѣетъ райскимъ дыханіемъ, тамъ вечерними зорями улюлюкиваетъ переливами родной соловей, а поутру разбудить ласковая мать.

И вотъ я въ желанномъ Винниковѣ, въ маленькомъ домѣ на горѣ, утонувшемъ въ бѣлой пѣнѣ цвѣтущаго сада.

Что за чудесная была пора. Глядишь и не нагладишься, дышешь и не надышешься.

Кругомъ все звенить, все ликуеть: похвалой несутся къ Творцу въ небеса благодарныхъ пернатыхъ пѣвцовъ голоса. Глянешь направо, тамъ лѣсъ зеленый, налево — хлѣбныя поля, а дальше прудъ, какъ зеркало сверкаетъ, по небу бѣлые ангелы плывутъ, подъ ногами коверъ изъ травъ и цвѣтниковъ любимыхъ, изъ-за вершинъ лѣсныхъ миѣ храмъ виднѣется родной и крестъ сіяетъ золотой, а въ сердцѣ молодость и пѣсня.

Потекли пріятные лѣтніе дни. Въ Мороскинѣ для отдыха, прогулокъ и шалостей всего было вдоволь.

Со мной въ домикъ поселилась мать и въ немъ еще стало уютнѣе.

У Рышковыхъ была купальня. Какія веселыя, шумныя купанья были у насъ по утрамъ.

И что за прелесть эти тесовыя, съ бѣлой рѣшеточкой, купальни, когда онѣ, какъ въ зеркалѣ, отражаются въ тихой водѣ. А зеленая плоскодонка на веревочномъ причалѣ у берегового пня, а опушка кудрявыхъ ракушекъ надъ прудомъ, а всплески серебристыхъ рыбныхъ стаекъ. Развѣ это не тихая радость?

Для верховыхъ прогулокъ у меня былъ иноходецъ Хазь-Булатъ, съ Кавказа. Но Хазь-Булатъ носилъ меня недолго. Однажды онъ везъ меня за почтой на станцію Отрѣшково и встрѣтилъ на выгонѣ четвероногую буланую даму. Его кавказская кровь закипѣла, онъ вмигъ выбросилъ меня изъ сѣдла и понесся къ своей избранницѣ, брыкнувъ въ мою сторону задними ногами.

Я на него очень обидѣлась и не за то, что при полетѣ ушиблась, не за то, что разорвала чесунчовую юбку, а за то, что онъ осрамилъ меня при всей честной деревнѣ.

Въ наказаніе его запрягли въ тарантасъ, чтобы успокоить.

Мой домъ еще строили, а у брата на мѣстѣ маленькой, покосившейся избенки, съ бороной на ветхой крышѣ, уже стоялъ, подъ желѣзной зеленой крышей, бѣлый домъ, обнесенный тесовымъ заборомъ, съ высокими рѣзными воротами, крашенными сѣрой краской. А напротивъ дома — новый амбаръ, а на гумнѣ — большая рига.

Николай такъ обрадовался своему богатству, что на радостяхъ напился и въ новомъ романовскомъ полушубкѣ съ Потапъ Антонычемъ въ обнимку, въ грязной канавѣ подъ дождемъ ночевалъ. Послѣ того, отъ стыда, онъ не показывался у меня недѣли двѣ.

А Потапъ Антонычъ приходилъ чаекъ пить и говорилъ разные подходящіе поговорки о Николаѣ, вродѣ того, что «конь о четырехъ ногахъ, и то спотыкается».

Послѣ обѣдни, по воскресеньямъ я навѣщала деревенскихъ друзей. Вспомнила съ ними про старое, и узнавала новости. Сколько переменъ въ селѣ: другой священникъ, другой учитель, а баринъ Яровицкій сталъ церковнымъ старостой.

Помню, въ дѣтствѣ, какъ я боялась его. Жилъ баринъ одинъ въ своемъ имѣніи по ту сторону пруда, на горѣ, и мнѣ казалось тогда, что за его домомъ кончается край неба и что домъ, какъ въ стѣну, упирается тамъ въ небо.

Уже въ то время говорили, что барину сто лѣтъ и какъ я дивилась, что онъ еще живъ.

А Машутка, подруга моя неизмѣнная, теперь всегда съ подвязанной щекой ходить.

— Зубы замучили — жалуется миѣ. А слышать еще хуже стала.

Ходить теперь моя Машутка въ темныхъ платьяхъ, какъ старушечка, а вѣдь мы съ ней однолѣтки. За юбку Машутки держатся дѣтишки. Одинъ, два, три.

— Сколько ихъ еще у тебя? — спрашиваю.

— Пять штукъ — и застѣнчиво улыбается и путается, — то Надежей меня назоветъ, то Надей Васильевной. Зову ее къ себѣ и совѣтую называть меня также, какъ раньше, Надежей.

А чаще другихъ я бываю у брата и у Потапъ Антоныча, благо что его хата рядомъ.

Потапъ Антонычъ оженилъ внука Семена и уже правнучка есть. Настя, жена Семена, статная и румяная молодайка со смѣлой улыбкой, а зубы, что кипень. И когда несетъ она коромысло съ тяжелыми ведрами, будто у нее перышко на плечахъ. А поступь у Насти, подъ стать царицѣ.

Потапъ Антонычъ не наглядится на нее :

— Во, какая, во святой часъ, молодайка у меня стала, а то чуть не кончилась

Онъ миѣ разсказалъ, что Настю подъ вѣнцомъ испортили и въ одинъ годъ она высохла. Доктора не помогли и повезли Настю за тридцать верстъ отъ Винникова къ знахаркѣ. Та и вылечила ее, выгнала порчу. Три ночи знахарка шептала на воду и молилась. А какъ выпрыгнулъ нечистый, ахнула Настя и безъ памяти грохнулась о земь, но поутру встала веселая и здоровая.

— А теперь, вишь, какая краля у меня ходить, — радовался Потапъ Антонычъ.

Вокругъ дѣдушки Потапа шумить теперь дѣтворя. Такъ мно-

го ребятъ, что я и не знаю, какіе внуки Потапа, а какіе мои племянники.

— Сколько у тебя, Николай? — спрашиваю я брата. — Я счетъ имъ потеряла.

— Да столько же, сколько у отца Николая. Я съ нимъ на перегонки иду — шутить братъ — своей Парашѣ я настрого приказалъ отъ попады не отставать, а она, дура, въ одинъ годъ возьми до отстанъ. Хорошо, что на другой годъ двойню родила. Теперь сравнялись. По девяти штукъ у насъ. Поровну.

Двойня Николая была славными молодцами. Похожи другъ на друга такъ, что если бы не разныя ленточки на рубашкахъ, и различить нельзя, неразлучны, любятъ другъ друга. Если обидѣть одного, другой плачетъ будто и ему обида. Если спросить одного, какъ зовутъ, сразу отвѣчаютъ два голоса:

— Я Жахаръ. Я Штепанъ.

Провѣдавъ, что у меня можно полакомиться, дѣтишки повадились ко мнѣ. Мальчонки за конфектами, а дѣвочки и за конфектами и за лентами для косичекъ.

Изъ любви къ ребятамъ я съ удовольствіемъ приняла на себя попечительство въ нашей церковно-приходской школѣ. Мнѣ было пріятно, что-либо сдѣлать для односельчанъ.

Когда на Морозовскомъ заколодкѣ сгорѣло семь хатъ и заголосили погорѣльцы, высохли ихъ слезы послѣ моего концерта, даннаго въ Курскѣ, имъ въ помощь.

Развѣ много надобно мужику, чтобы былъ онъ счастливъ? Есть у него изба новая, корова да лошадь, вотъ и счастливъ мужикъ.

**

Въ Винниковѣ съ особымъ нетерпѣніемъ ждала я свой любимый зеленый праздникъ — Троицу.

Прошло много лѣтъ съ той поры, какъ маленькая Дежка проводила здѣсь Троицынъ день.

И вотъ загудѣлъ съ нашей старой колокольни новый колоколь. Исполнилось давнишнее желаніе прихожанъ смѣнить дребезжащій колоколь на новый и мнѣ посчастливилось осуществить эту мечту мужиковъ.

Хорошо въ нашей старой церкви. Все тутъ по прежнему. И я стою на томъ же мѣстѣ, гдѣ всегда стояла съ матерью, у праваго клироса, противъ Авраама, приносящаго въ жертву своего сына. А золотой надъ нимъ лучъ, который нѣкогда грозилъ упасть, теперь, по милости новаго ктитора, — въ исправности.

Внизу, подъ Авраамомъ жертвоприносящимъ, большой образъ Троицы, въ тяжеломъ серебрѣ. Сегодня, какъ и тогда, онъ утопаетъ въ цвѣтахъ, и жарко пылаетъ предъ нимъ костеръ мужническихъ свѣчей.

Что-то дѣтское свѣтится въ глазахъ мужиковъ, когда они ставятъ свѣчи и молятся съ такой вѣрой, будто кусочекъ своего сердца зажигаютъ предъ образомъ Троицы.

Нигдѣ я не чувствовала этотъ праздникъ такъ ярко и полно, какъ въ Винниковѣ. Тутъ разливается всюду зеленая Троица, свѣтится въ глазахъ стариковъ и молодыхъ, пахнетъ ситцемъ, кумачомъ, дегтемъ, алѣетъ въ лентахъ дѣвичьей косы, въ вѣнкахъ на дѣтскихъ головенкахъ, шумитъ въ берегахъ бѣловольныхъ, въ связкахъ сорванныхъ піоновъ. Здѣсь всюду праздникъ и ликуетъ весь просторъ зеленый, ликуетъ хороводъ веселый, звенитъ лихой каблукъ саянки въ паневѣ-кичкѣ золотой и пляшутъ бисерныя кисти надъ черной бровью молодой.

Вотъ гдѣ праздникъ, вотъ гдѣ ликованье.

Гостепріимные Винниковцы угощали меня молодымъ краснымъ квасомъ, потчивали лапшой и солониной, а тѣмъ временемъ, молодой художникъ Д. Мельниковъ, гостившій у меня, не пивши и не ѣвши, цѣлый день носился съ холстами, набрасывая этюды, Эдмундъ Мячеславовичъ Плевницкій любовался плясками и хороводами «съ точки зрѣнія балетмейстера», а мой аккомпаниаторъ А. М. Заремба, прикрывши лысину соломенной шляпой,

приударялъ за молодыми саянками, одаривая ихъ пряниками, орѣхами и всякими сладостями.

Вечеромъ мы собирались на маленькой нашей террасѣ и дѣлились впечатлѣніями. Всѣ были въ восторгѣ и мое Винниковское сердце наполнялось гордостью.

**
*

Однажды моя матушка разглядывала этюды Д. Мельникова и попалась ей на глаза выпавшая изъ папки карриатура, сдѣланная на меня Мельниковымъ для «Солнца Россіи».

Мать разсматривала ее долго, потомъ откашлялась и исподволь стала пенять художнику :

— Ты, дѣточка, Митя, трудъ любишь, што и говорить, все глазки портишь, безъ устали на все прижмурившись глядишь, а путнаго изъ тебя ничего не выйдетъ, какъ я посмотрю. Вѣдь Надичка у меня краля, а ты изъ нее страху подобно что сотворилъ. Ты лучше людей перестань мулевать, а снимай лошадей. Ты хорошо ихъ выписываешь. Вонъ, какъ живые по паринѣ ходять.

Мать указала на стѣну, гдѣ висѣло полотно Мельникова.

Я подобрала его карриатуру и засмѣялась.

— А ты еще смѣешься, — разсердилась на меня мать. Вѣдь на этакую картину и глядѣть тошно, а вамъ смѣхъ.

Мы объяснили, что это шутка, и мать немного успокоилась, но все же совѣтовала художнику лучше писать «всурьезъ, а портить личности даже въ шутку неслѣдъ».

Отшумѣлъ веселый сѣнокосъ. Помню, въ августѣ миѣ прислали граммафонъ. Бабы, видѣвшія его впервые, пришли въ смятеніе, заглядывали въ трубу, бѣгали вокругъ и не знали танцевать-ли имъ подъ эту штуку, въ которую «должно, самъ лукавый забрался», или, перекрестясь, бѣжать безъ оглядки.

Но гдѣ лукавый замѣшанъ, тамъ и пляскамъ начало.

Когда граммафонъ огласилъ мой милый лѣсъ Мороскинъ, въ сумерки, изъ деревни, потянулись парни и дѣвки, и старики отъ нихъ не отставали. Располагалась также подъ дубками, березочками, и Винниковская интеллигенція: учитель, псаломщикъ, даже голова нашего нелюдима-дьякона иногда выглядывала гдѣ-нибудь изъ лопуховъ.

Гуляли къ намъ и попъ съ красивой попадѣей, больше по воскреснымъ днямъ, такъ какъ О. Николай хотя и академикъ былъ, а тянулъ свою лямку какъ всѣ сельскіе священники: самъ пахаль, самъ сѣяль и косиль и молотиль, все самъ, безъ работника, и никогда не унываль. Закрутитъ, бывало, косу, подоткнетъ полы подрясника, вскочитъ на турникъ и такую мельницу завертитъ, что его старшій сынъ угнаться не могъ.

О. Николай правился мнѣ тѣмъ, что былъ прямой человѣкъ. Все, что думаль, то въ глаза говорилъ.

Помню, какъ онъ бранилъ меня за то, что я во второй разъ замужъ вышла. Даже года на два меня состарить пытался и увѣряль, будто метрику мою читаль. За меня тогда мать заступилась.

Мороскинъ лѣсъ, нѣкогда царство дѣда Пармена, теперь сталъ самымъ оживленнымъ мѣстомъ въ селѣ. Тихими лѣтними вечерами, когда все благоухало и золотая полоса зари еще радовала глазъ, а далекіе голоса казались въ ясномъ воздухѣ близкими, я выходила на свою террасу и благодарно смотрѣла на Божій міръ, который казался мнѣ великимъ храмомъ Господнимъ, гдѣ все служитъ Творцу, гдѣ каждый цвѣтокъ, каждый листикъ шлетъ Ему въ высь свои свѣжія молитвы.

По тихой вечерней зарѣ, черезъ прудъ, черезъ садъ, то смѣхъ веселый долетитъ, то пѣсь залаетъ, то дальняя пѣсня, а отъ каменевской роши, тамъ, гдѣ поповскіе загоны, льется милый звукъ свирѣли.

Блаженные мои вечера деревенскіе, въ сердцѣ чистая тишина и молитва.

На ступенькахъ, у крыльца, въ кругу внучать, откушавъ чаю, ведутъ бесѣду мать моя и ея другъ Потапъ Антонычъ.

Разговоръ у нихъ всегда начинается съ хозяйства : про урожай, про скотину и про погоду. Потомъ расскажутъ, что имъ снилось, такъ и подойдутъ къ любимой бесѣдѣ : мать про житія святыхъ, а Потапъ Антонычъ, во всякой часъ со молитовкой, о продѣлкахъ всякой нечисти лукавой; готовы хотя-бы всю ночь толковать.

Послѣ того, какъ едва не погубили его Настю «порчей», все грозился Потапъ Антонычъ, подстеречь мучителей душъ христіанскихъ да хлобыснуть осиновымъ коломъ, «чтобы дня три гузна почесывали».

А грозилъ онъ больше всего вѣдьмѣ - Кузьминихѣ, которая «никакъ издохнуть не можетъ, хоть ей за сто перевалило. Земля ее, стало, не принимаетъ».

Эта самая Кузьминиха уже сколько разъ у Потапъ Антоныча изъ подъ ногъ шмыгала, то кошкой прикинувшись, то собакой, а то свиньей, а встрѣчалась — «раздери ее ястребу» — въ разныхъ мѣстахъ : и около погоста, и около Никишкинаго амбара, что недалеко отъ Кузьминихиной хаты.

А разъ у самой хаты собакой прикинулась.

— Ну, Антонычъ, дакъ это, нашъ Рябчикъ былъ, — замѣчала мать.

— Нѣтъ, Хроловночка, Рябчикъ бы брехалъ, а эта, колотикъ, молчкомъ шмыгнула.

— Да чего Рябчику на своо человѣка брехать, — настаивала мать, но Потапъ Антонычъ не сдавался.

Онъ утверждалъ, что всѣ «подъясельные, домовые, прудовые, подколесные, гноявые», кого не возьми изъ чергенятъ — пріятели Кузьминихи и никто иной, какъ она самая, изъ подъ ногъ у него шмыгалъ.

— Нужъ и попадись таперь она мнѣ, — устрашающе потрясалъ онъ осиновымъ коломъ.

— Ты смотри, Антонычъ, — предупреждала мать — со страху Рябчика нашего не обидь, а то съ испугу человекъ и всякую скотину за Кузьминиху можетъ принять. Ты, Антонычъ, послушай мене и замѣсть осинового дрюка, молитвы читай. Страхъ отъ человека отходить, когда читаешь «Да воскреснетъ Богъ». Всякая нечисть отъ этой молитвы разбѣгается.

— Сказано въ молитвѣ, — говорила она — «Прогоняй бѣсы силою на тебѣ пропятого», вотъ какія слова великія. Я всю жизнь все со молитвой ночь о полночь ходила и ничего не боялась, безъ палки твоей осиновой. Молитва изъ огня-полымя вынимаетъ.

Тутъ же мать для примѣра рассказывала про Марію Египетскую, какъ она изъ блудницъ, по молитвамъ, святой вѣнецъ пріяла и какъ святыя угоднички Божіи отъ искушеній дьявольскихъ молитвами спасались. Лукавый-то все норовитъ искусить душу чистую-святую: куда доступъ ему трудень, туда его и тянетъ.

— Правильно, во святой часъ, — соглашался Антонычъ, — «Онъ», прости Господи, не къ ночи будь помянутъ, всюду пролѣзетъ, даже и въ храмъ Божій.

Тутъ Потапъ Антонычъ рассказывалъ про двухъ рогатыхъ, которые забрались во храмъ въ то время, какъ тамъ служилъ обѣдню Святой Угодникъ. Рогатые усѣлись на карнизъ и стали записывать все грѣхи молящихся во храмѣ, которыхъ до того сами же соблазняли. Но когда у нихъ воловья кожа, на которой писали, была вся исписана и мѣста не хватало, они уперлись копытами въ карнизъ и стали натягивать кожу, да такъ, что одинъ рогатый съ натуги угрѣшился. Святой Угодникъ, видѣвшій все, улыбнулся. Тогда рогатые и его на воловью кожу записали.

— Вотъ, прости Господи, какіе шустрые, Угодника и то соблазнили, а намъ грѣшнымъ съ ними и сладу нѣту, — сокрушенно вздыхалъ Потапъ Антонычъ.

Помню, какъ мать отъ такого разсказа пришла въ смятеніе, перекрестилась и плюнула.

— Прости Господи мою душу грѣшную — зашептала она. — Лучше ты, Антонычъ, мнѣ такихъ страстей не разсказывай. Грѣхъ одинъ.

— Нонче, ужо, поздно, а завтра, во святой часъ, разскажу — поддразнивалъ Антонычъ мать.

Внучата, любившіе разсказы про вѣдьмъ, сидѣли тихо, не шевелясь. Они слушали-бы еще дѣда и бабушку, но Потапъ Антонычъ, кряхтя, опираясь на осиновый колъ, вставалъ и говорилъ, слышавъ дальнюю пѣсню изъ-за лѣса :

— Пора. Ребята ужо въ ночное коней повели, а мы все калякаемъ. Прощевайте, Акулина Хроловна, до завтрава.

И пошелъ по тропинчкѣ внизъ, гдѣ скрипитъ журавель, гдѣ колодецъ стоитъ и кудрявая ракета надъ самой водой. Перешелъ въ канавку, а тамъ кошачья мята все въ полонъ забрала. Вотъ повернулъ налѣво. Впереди внучата, а онъ, во святой часъ со молитовкой, сзади. Дорожка тамъ хуже, поросла бурьяномъ, лопухами по грудь. Вотъ миновалъ дерничекъ, и между Баглая и черемухи кустъ, что весной расцвѣталъ и далеко бѣлѣлъ духовитымъ шатромъ. Въ томъ шатрѣ кружевномъ много было хоромъ, тамъ соловушка мой по ночамъ пировалъ, звонкой пѣсней хмельной мнѣ уснуть не давалъ.

А потомъ напрямикъ, огородомъ пошелъ, конопляной межей и домой.

Какъ знакома мнѣ эта дорога.

**

Въ то лѣто я не покидала надолго свое тихое село.

Въ Москвѣ спѣла четыре концерта въ Эрмитажѣ, а одинъ на Сокольничьемъ кругу. Этотъ концертъ, собравшій десятитысячную толпу, памятенъ мнѣ тѣмъ, что послѣ него я стала до ужаса бояться толпы, которая «изъ любви къ артисту», можетъ

его въ порошокъ стереть. Тогда, послѣ концерта, я долго замѣш-калась въ уборной, окруженная близкими и знакомыми, среди которыхъ были и журналисты, а между ними и румяный Н. Н. Шебуевъ въ своемъ неизмѣнномъ сѣромъ сюртукѣ и высокомъ сѣромъ цилиндрѣ.

Никто и не подозрѣвалъ, что огромная толпа терпѣливо ожидаетъ моего выхода.

Какъ только я показалась въ дверяхъ, ко мнѣ ринулись за цвѣтами дѣвицы и такъ стремительно, что я покорно выпустила изъ рукъ букетъ, его разнесли мигомъ, а меня толпа куда-то покесла.

Я думала, что конецъ мой приходитъ, такъ меня тѣснили. Наконецъ молодежи удалось образовать вокругъ меня цѣпь и я могла передохнуть.

А мою свиту затерли. Мелькалъ гдѣ-то сѣрый Шебуевскій цилиндръ, толпа что-то ревѣла, люди забѣгали впередъ, заглядывали мнѣ въ лицо, будто я чудовище невиданное.

Кто-то истерически кричалъ, кто-то надрываясь взывалъ :
— Господи, успокойтесь, вѣдь это вторая Ходынка !

Какимъ-то чудомъ довели меня до автомобиля. Мнѣ долго пришлось ждать загерявшихся друзей. Показалась Марья Германовна въ самомъ жалкомъ видѣ, она оправляла на головѣ какой-то блинъ, — еще недавно ея пышную шляпку — и бранилась, красная отъ волненія, размахивая руками.

— Дураки, сумашедшіе !

— Сидѣла-бы дома, чѣмъ ругаться — крикнулъ ей стоящій около меня почитатель и какъ же переконфузился когда увидалъ, что она садится ко мнѣ въ машину.

При видѣ моей помятой, спѣшившей на помощь свиты, мой страхъ смѣнился неудержимымъ смѣхомъ.

Я кланялась изъ автомобиля восторженнымъ москвичамъ, а моя Маша, растрепанная толпою, съ раздавленной картонкой, поправляла дрожащей рукой волосы и бормотала :

— Ужаси, какой мы имѣемъ успѣхъ. Ужаси.

Послѣ такого «успѣха» я всегда старалась тихонько уходить по окончаніи концерта.

Успѣхъ пріятенъ, въ этомъ какъ не сознаться, — но и страшно попадать въ толпу.

Толпу я очень люблю, но когда я стою на эстрадѣ.

Послѣ московскихъ концертовъ, я пѣла еще на группахъ кавказскихъ водъ, а оттуда въ родное село, гдѣ былъ уже готовъ мой новый домъ-теремъ.

Снова тишина и дышется легко и куда пріятнѣе наивныя бесѣды милыхъ старичковъ, чѣмъ жизнь въ шумномъ Кисловодскѣ.

Въ деревенской тишинѣ мысли чище и къ Богу ближе.

Но дома меня ожидала на этотъ разъ печальная вѣсть: умеръ отецъ Насти, невѣстки Потапъ Антоныча.

Былъ моимъ любимцемъ Настинъ отецъ, добродушный и пригожій богатырь.

Ему едва минуло сорокъ и просто не вѣрилось, что его уже нѣтъ. Въ три дня его не стало. Надсадился на порубкѣ лѣса.

Я поѣхала на Богдановку поклониться усопшему и была не рада, такъ горевала надъ нимъ.

Когда я была въ избѣ, гдѣ на лавкѣ лежалъ усопшій, съ конца деревни донесся голосъ Насти, которая шла изъ Винникова на поклонъ-прощаніе къ отцу.

Ее вели подъ руки, она металась, будто не зная, куда бѣжать отъ горя и голосила въ причотъ, пѣла горестно на тѣ слова, какія только приходили къ ней.

Когда ее ввели въ избу, она протянула руки къ лежащему и надрывно говорила:

— Родимый мой батюшка, что-жъ не вышелъ, не встрѣтилъ, какъ прежде встрѣчалъ свою Настыюшку?

— Аль разсердился, аль прогнѣвался ты на дочку свою, на любимую ?

— Что-жъ нахмурился и лежишь-молчишь, не хочешь ты слова вымолвить ?

— А бывалыча ты говаривалъ, что на свѣтѣ нѣтъ краше Настеньки ! Что-же молчишь, скажи слово, скажи . . .

Упала бѣдная Настя, затихла. Ее унесли.

Въ избѣ стоялъ стонъ отъ слезъ, отъ горя, которому никто помочь не въ силахъ.

Эта Настина скорбная пѣсня вѣчной разлуки, рвала печально мое сердце.

Какъ велика была ея любовь, какъ тяжела разлука, и какіе мы слабые предъ закономъ смерти.

**
*

Грустной вернулась я въ мой новый домъ. Я думала о томъ, какъ буду коротать тамъ старость, когда она подойдетъ, какъ украсу тамъ послѣдніе годы моей старушки.

Никто такъ не радовался переселенію въ теремъ, какъ моя матушка.

Впервые въ жизни она имѣла собственный покой и въ немъ все по ея вкусу : кромѣ печки, еще большая лежанка, а на голубыхъ стѣнахъ все картинки съ житіями святыхъ угодничковъ Божіихъ. Неугасимая лампада теплилась въ углу предъ чудеснымъ «Моленіемъ о Чашѣ».

Мать даже помолодѣла отъ радости и ноги ея быстрѣе забѣгали. Накинетъ шубку въ одинъ рукавъ, возьметъ палку и такъ молодо на деревню зашагаетъ. А я будто не вижу, что прячетъ она узелокъ подъ ненадѣтымъ рукавомъ. Я будто не замѣчаю, что она у меня таскаетъ изъ буфета чай, сахаръ, печенье, изъ кладовки мыло и медъ, а носить ихъ то Ярмолихѣ, которая лежмя-лежитъ десять лѣтъ, то бобылихѣ Аленѣ Абельдеевой. Да мало ихъ, что-ли, на деревнѣ, горемычныхъ-то ?

Пусть носить, пусть радуется, родная!

А съ деревни вернется, сидить у себя и что-то напѣваетъ : не то изъ духовнаго, не то — «въ Таганрогѣ случилася бѣда».

А то заложить руки за спину и по комнатамъ прохаживается : портьеру потрогаетъ, добротна-ли ткань, въ клавишу пальцемъ ткнетъ и слушаетъ какъ звучить, и точно малое дитя улыбается своей шалости.

Присматриваясь къ вещамъ, она давала имъ свои прозвища: каминъ назывался у нее «барыней», потому что для него требовались особыя дрова. А часы съ женской фигуркой назывались «барышней».

— Дежечка, — доносилась изъ ея горницы, — спроси у барышни который часъ.

Новый домъ, дѣйствительно, казался ей сказочнымъ теремомъ. Она любила смотрѣть на него издали и для этого своими руками смастерила себѣ, у рѣзной рѣшетки, при главномъ въѣздѣ, скамеечку. Сидѣла и любовалась оттуда на домъ.

А обо мнѣ думала, что ея Дежка, обладательница такихъ хоромъ, — несмѣтная богачка. И точно, исполнялись Дежкой всѣ ея просьбы.

Матери казалось, что она хитрѣе всѣхъ на этотъ счетъ можетъ меня «обойти», и, встрѣтивъ меня гдѣ-нибудь въ саду, исподволь, умиленнымъ голосомъ начинала :

— Дежечка, что я тебѣ скажу, ты знаешь, какой каменевскій попъ старенькій, одинокій : живетъ, запометь мѣста въ караулкѣ.

Я, конечно, знала, что каменевскій попъ старенькій, но знала и то, что онъ безпросвѣтный пьяница, да чтобы не огорчать мать сочувственно выслушивала всѣ бѣды стараго попа : какъ мать встрѣтила его подъ горой и какъ хворь скрючила ему руки-ноги, а хворь, по его словамъ, надобно спиртомъ лѣчить, растираться, и какъ-бы хорошо его, горемычнаго, приголубить,

накормить-напоить, да рубликовъ двадцать пять ему и пожертвовать, а онъ-то помолится.

Скажи я, что старенькій батя любить больше выпивать, чѣмъ молиться, что о своей душѣ онъ не думаетъ, не то, что о нашей, мать сокрушенно завздыхала-бы съ упрекомъ, что я «пятняю душу гордыкею и что вообще отъ богатства душа человека костенѣетъ».

Поэтому я соглашалась на все.

И въ скорости сидѣлъ у меня за столомъ въ потрепанной рясѣ старый батя, съ удовольствіемъ пилъ рюмку за рюмкой и закусывалъ сардинками, подвинувъ коробку къ себѣ. Къ концу обѣда, горничная Соня поставила рядомъ съ его приборомъ вазу клюквеннаго киселя и отвернулась за сливками, а батя уже подвинулъ къ себѣ вазу, радостно сказалъ :

— Вотъ это по моимъ зубамъ, — и принялся за кисель.

Соня растерянно смотрѣла на меня, не зная, что дѣлать, не отнимать же кисель у бати, который всѣхъ насъ оставилъ безъ сладкаго.

— Кушайте, кушайте, батюшка, — потчивала его мать, а кто былъ за столомъ, скрывая улыбки, усиленно каталъ хлѣбные шарики.

Ни мать, ни ея гость, никакой неловкости не замѣчали.

Послѣ обѣда батя, снабженный четвертной бумажкой и бутылочкой спирта, для растиранія, прощался съ нами.

А скоро сидѣлъ батя въ молодомъ вишнякѣ, на солнышкѣ. Бутылочка изъ-подъ спирта лежала въ травѣ. Батя дремалъ. Очевидно, вмѣсто натиранія, онъ принималъ лѣкарство во внутрь.

Но мать никому не позволяла шутить.

— Вамъ бы, безстыжимъ, все зубы скалить, а какой тутъ смѣхъ, вѣдь онъ сирота, что кукушечка одинокая. Избави Господь всякаго отъ такой старости.

Ужъ если мать за кого заступится, у ней всегда найдутся справедливыя слова.

Помню, кто-то изъ служившихъ при ней сказалъ, что мой пасѣчникъ взялъ себѣ моихъ отроившихся пчель.

Мать вознегодовала на доносчика : пасѣчникъ Юдай Парфенычъ, былъ съ давнихъ поръ ее уважаемымъ кумомъ, къ тому же умственный, почтенный мужикъ, который на чужое добро не позарится.

И чтобы посрамить доносчика, которому «на томъ свѣтѣ за ябеду висѣть на огненномъ крючкѣ и неминуемо лизать горячіе сковороды», немедля пошла къ куму узнать, крадь онъ у Дежечки пчель, аль нѣтъ.

Юдай Парфенычъ, снялъ казинетовый картузь и, глядя на небо, перекрестился.

— Приборотись я самъ въ пчалу — сказалъ онъ, — если я хоть одну пчалу у Надежды Васильевны скралъ.

— Вотъ какъ поклялся — говорила мнѣ позже мать, изображая Юдай Парфеныча, и совѣтовала гнать ябедниковъ-смутьяновъ, отъ которыхъ одно безпокойство и душѣ вредъ.

— Ябедники, слуги лукаваго, — говорила она и послѣ слова «лукавый», поспѣшно крестилась и шептала :

— Господи, прости мою душу грѣшную за сквернословія мои.

**

Лѣтомъ, когда я жила въ Винниковѣ, не было въ селѣ ни одной свадьбы, на которой я не гуляла-бы, и крестины рѣдко безъ меня обходились.

Съ истиннымъ удовольствіемъ пировала я на свадьбахъ у своихъ односельчанъ. Тамъ было искреннее радушіе, тамъ были безхитростныя рѣчи, да какія мудрыя подчасъ. А древнія свадебныя обряды такъ прекрасны, такъ чисты, что не удивительно ихъ слышать рядомъ съ молитвой.

Воиъ невѣста уже готовая къ вѣнцу, прощаясь съ родителями, молится предъ образами, кладеть земные поклоны, а подружки въ это время поють :

Ой летѣли гуси лебеди, черезъ дворъ,
Ударили золотымъ крыломъ о теремъ,
Не пора-ли тебѣ, свѣтъ Марьюшка, съ терема долой,
Не пора-ли тебѣ, Ивановна съ високаго.
Что вамъ дѣло, гуси лебеди, до того,
Есть у меня мой батюшка для того,
Какъ онъ велитъ, благословитъ, я пойду.

Невѣсту обводятъ съ образомъ вокругъ стола.

Поють подружки : «Шло солнце по западью, а Марья по за-
столью».

Ихъ протяжная пѣсня смѣняется другой :

Ой свѣтъ — ты моя, ой свѣтъ — ты моя
Батюшки воля,
Ой свѣтъ — ты моя, ой свѣтъ — ты моя
Матушкина нѣга.
Такой воли, такой нѣги, у свекра не будетъ.

Кромѣ древней красоты обрядовъ, кромѣ крестьянскаго хлѣбосољства есть еще одна привлекательная особенность деревенскихъ свадьбъ : никогда не приходилось миѣ слышать тамъ пошлыхъ словъ. Даже подвыпившій мужикъ тамъ поеть :

Соловен кукушечку уговариваль,
Молодеькій, рябую все сподманываль,
Полетимъ кукушечка во мой зеленъ садъ,
Во моемъ садикѣ гулять хорошо.

Даже и хмельная мужичья душа поеть о чистотѣ утѣхъ матушки-земли. Какъ, однако, эту самую душу мѣняетъ городъ и фабрика.

Лишь попадаетъ туда мужикъ, не тѣ пѣсни. не тотъ и мужикъ.

У земли и душа чище и тѣло крѣпче : по себѣ знаю. Какъ, бывало, приѣду изъ города въ деревню, становлюсь лучше, добрѣе. Небесный деревенскій просторъ будто заглядывалъ въ душу и ширилась она и свѣтлѣла, прощала и любила.

Иной разъ приѣду измученная, а тамъ меня встрѣтитъ мать, вѣкъ свой скоротавшая въ деревнѣ и отъ матери-земли взявшая силу и мудрость. Ласкою, да умной поговоркою, быстро выльчивала меня мать отъ городскихъ хворей.

А какъ, бывало, пойдѣмъ съ ней по полямъ, она сильнѣе меня окажется. На горку вбѣжить первая и, поджидая тамъ, посмѣивается, — ей, молъ, восемьдесятъ три, а она моложе, хотя мнѣ и двадцать шесть. И знаетъ мать каждую травинку, каждый цвѣтокъ. Она полна жизни.

— Ты только послушай, — говорила она, останавливаясь надъ духовитой полосой бѣло-розовой гречихи. — Какъ гудуть пчелы-то. Это они, съ пѣснями, работники Божіи трудятся, а мы грѣшныя будемъ трудовыя ихъ свѣчи Господу зажигать и Ему просьбами докучать.

— Съ нихъ бы намъ примѣръ-то брать, — вздыхала она.

А полоса гречихи, дѣйствительно, пѣла и мать понимала пчелиную пѣсню, она все понимала.

— У Господа всѣ товары драгоценныя, — говорила мать, указывая на золотистое просо. — Вишь, парчою золотой разстиляется, — хотъ ризы шей ка весь честной міръ.

Съ полевой прогулки мы возвращались съ охапками травъ и цвѣтовъ.

— Все цѣлебныя травы, все драгоценныя товары, нерукотворенныя дары Божьи, все для насъ неблагодарныхъ послано, — шептала мать, развѣшивая душистые пучки въ своей горницѣ.

Въ февралѣ 1912 года московскіе профессора Роттъ и Ширвинскій отослали меня на Ривьеру.

Тамъ, въ тихомъ Болье, у моря, я отдыхала и когда сухопарые англичанки бѣгали въ запуски, чтобы еще похудѣть, я не двигалась съ балкона, чтобы прибавить въ вѣсѣ.

Голубое море то тихо то бурно плескалось у самыхъ оконъ, французы кормили меня салатами, я поправлялась и полтора мѣсяца пролетѣли. Пора и домой, но какъ уѣхать, не посѣтивъ Монте-Карло : оно совсѣмъ близко.

И вотъ я въ святилищѣ сумашедшихъ. Ихъ тамъ такъ много. Сидятъ за столами и все что-то пишутъ, высчитываютъ.

У стола я тоже бросила золотую монету на номеръ 17, который считаю счастливымъ.

Бросила монету и забыла, заглядѣвшись на старуху съ землистымъ измученнымъ лицомъ, — ну точно «Пиковая Дама».

Шарикъ упалъ на мою ставку, а я все разглядывала игроковъ, забывъ объ игрѣ.

Снова завертѣлся шарикъ и снова упалъ на мою ставку.

Крупье пододвинулъ въ мою сторону кучу фишекъ, всѣ на меня смотрѣли, а я не знала куда дѣваться отъ стыда. Мнѣ казалось, что всѣ думаютъ «и откуда взялась такая разиня въ соболяхъ и брилліантахъ».

Забравъ выигрышъ и разыскавъ Э. М. Плевацкаго, который усердно ставилъ на черное-красное, я уѣхала въ Болье.

На другой день лилъ проливной дождь, но подъ окномъ, какъ каждый день, звучала серенада.

Сквозь шумъ дождя доносился печальный тенорокъ, отъ котораго хотѣлось плакать. Я встала съ постели и увидѣла въ окно огромный парусиновый зонть, а изъ подъ него длинную сѣ-

дую бороду и тщательно застегнутый сюртукъ. Лица не было видно, но я догадалась, что и лицо старика печальное, какъ его голосъ.

Я бросила ему денегъ. Поджавъ ноги, я сидѣла на постели и плакала, слушая пѣвца-старика, который пѣлъ о радостномъ солнцѣ — «о соле-соле-мію» — а дождь лилъ, лилъ.

Я плакала и бранила англичанъ, почему они не выглянуть, не бросятъ денегъ пѣвцу.

Плевницкій смѣялся надъ моими слезами и, успокаивая меня, говорилъ, что всѣ заняты своимъ дѣломъ :

— Пѣвецъ поетъ, ты плачешь, англичане кофе пьютъ, а я занятъ рѣшеніемъ вопроса, отпустишь ты меня сегодня въ Монте-Карло или нѣтъ. Мнѣ снился 22 номеръ и я обязательно долженъ на него выиграть.

Я утерла слезы и отпустила его на часъ провѣрить сонъ и ровно черезъ часъ Плевницкій былъ дома.

Сонъ оказался вѣщимъ. Онъ проигрался, какъ говорится, въ пухъ и прахъ.

А отыгрываться я его не пустила.

Въ Москву я пріѣхала за два дня до концертовъ. Къ этому времени, изъ Курска, со своимъ другомъ, молодымъ священникомъ о. Викторомъ, ко мнѣ пріѣхала мать.

Я опасалась, что мать разволнуетъ и шумная столица и автомобиль, въ которомъ ей на старости довелось ѣхать.

Но опасенія были напрасны. Москва ей «дюже» понравилась.

— Да она поболѣ Курска будя, — говорила мать и крестилась направо и налево :

— Храмовъ-то, храмовъ-то Божьихъ сколько !

А новое слово — автомобиль, у нее что-то не выговаривалось и она назвала его проще — храпунокъ.

— Ну и храпунокъ, — удивлялась она. — Ёдешь себѣ, добро милое, какъ въ люлькѣ и кнута не надобно и кобыла тебѣ, прости Господи, передъ носомъ хвостомъ не машеть, а онъ себѣ похрапываетъ, да ёдетъ. Вотъ умственная диковина, до чего дошелъ человекъ.

На концертѣ, въ Большомъ залѣ Консерваторіи, она сидѣла въ ложѣ съ о. Викторомъ.

Залъ былъ полонъ лучшаго московскаго общества.

За ужиномъ, послѣ концерта, я спросила мать объ ея впечатлѣніяхъ.

— Что-жъ, доченька, по правдѣ сказать ты Богомъ отмѣчена и талантъ тебѣ посланъ, а пѣсни поешь такія, что ихъ и въ церкви не грѣхъ пѣть, да слезами обливаться. Да, какъ мать, хвалить тебя не стану, а то выйдетъ что «хороша наша дочка Аннушка, а кто хвалить ее, матушка да бабушка». Хучь тебя-то хвалятъ многіе, сама нонче видѣла.

— А публика, какъ тебѣ нравится, наша, московская?

Мать кашлянула, поправила шаль и сказала:

— Публика? Публика то сѣрая.

— Какъ сѣрая?

— Да такъ, сѣрая. Енераловъ больно мало. Одинъ сидѣлъ напротивъ тебя на первомъ мѣстѣ, и тотъ какой-то маленькій, шупленькій.

А маленькій шупленькій генералъ, котораго замѣтила мать, былъ мой вѣрный слушатель, не пропускавшій ни одного моего концерта, — командующій московскимъ округомъ Плеве.

На этотъ разъ сказалась въ матери жеѣа николаевскаго солдата. Съ далекихъ временъ, когда еще ее Васечка безупречно несъ долгую царскую службу, а мать была при немъ, привыкла она считать генеральскій погонъ выше купеческихъ брилліан-

товъ, которыхъ на моемъ концертѣ было много, да мать ихъ, пожалуй, и не примѣтила.

Въ Москвѣ она скоро заскучала, хотя въ этомъ и не признавалась. Но однажды я застала ее въ слезахъ, въ кабинетѣ, окно котораго выходило на сосѣднія крыши. У окна она проводила большую часть дня.

На мой вопросъ, чего она плачетъ, она долго не отвѣчала, а потомъ указала на воронъ, ходившихъ по крышѣ.

— Ты глянь, какія онѣ бѣдныя, ножки тоненькія, а на дворѣ-то морозъ, и клевать нечего.

— Но ты-же ихъ кормишь, — сказала я, посмотрѣвъ на зерно, разсыпанное за окномъ.

— Да ета покуда я тутъ, а когда уѣду?

— Ты въ деревню, родная, хочешь, — догадалась я.

— А што-жь? И поѣхала-бы, внучать повидать. Весна идетъ, а тутъ простору нѣту, што тюрьма.

Я понимала, что матери, привыкшей къ деревенскому простору, было тѣсно въ городской квартирѣ, а тутъ еще, когда шла она въ ближайшую Пименовскую церковь къ обѣднѣ, ее изъ-за угла чуть «храпунъ» не задавилъ и теперь ходить туда боязно. Въ квартирѣ она все уже осмотрѣла, все потрогала, окропила святой водой стѣны такъ, что во всѣхъ комнатахъ на темныхъ обояхъ бѣлые потеки. Изслѣдовала электричество, да такъ, что разъ всюду свѣтъ погасъ. Нѣтъ простора, что тюрьма.

— А какъ же ты въ деревнѣ одна жить зимой будешь? — спрашивала я.

— Тамъ веселѣе. Тамъ передъ окномъ снѣжная поляна, кругомъ лѣсъ. Вѣтеръ съ листьями сухими играетъ. Подхватить въ кучу, соберетъ. Они на мѣстѣ покружатся, опять разбѣгутся, — словно карагоды, танки водятъ, а я гляжу въ окно. Съ ними веселѣе.

Такъ Акулина Фроловна и уѣхала въ деревню, а я должна была ѣхать въ Петербургъ.

Въ Петербургѣ я всегда останавливалась въ Европейской гостинницѣ.

Вечеромъ, передъ началомъ концерта, уже готовая, я стояла у окна и наблюдала съѣздъ. Длинная вереница экипажей, конецъ которой былъ на Невскомъ, медленно двигалась къ Дворянскому собранію.

Я смотрѣла на публику, которая черезъ нѣсколько минутъ будетъ разглядывать меня.

Съѣздъ кончался. Я медленно иду черезъ Михайловскую улицу изъ отеля въ собраніе. Въ артистическомъ подъѣздѣ, въ неосвѣщенныхъ углахъ, на лѣстницѣ, стоятъ темныя фигуры и суютъ мнѣ письма, — все просьбы, просьбы.

Вотъ и бѣлое зало собранія.

Какъ я любила его, когда оно сіяло хрусталами люстръ и пріятно шумѣло толпой.

Весь первый рядъ всегда былъ занятъ гусарами.

Царская ложа рѣдко пустовала.

На эстрадѣ я пьянѣла отъ пѣсень, отъ рукоплесканій, и могла ли я думать тогда, что за спиной у каждаго изъ насъ стоитъ призракъ ужасный, что надвигается дикая гроза, которая согнетъ наши сны и выжжетъ слезами глаза, какъ огнемъ.

А въ тотъ пріѣздъ въ столицу, въ одно изъ воскресеній, я получила приглашеніе отъ Великой Княгини Ольги Александровны пріѣхать къ пяти часамъ во дворецъ, на Сергіевскую.

По воскресеньямъ къ ней пріѣзжали изъ Царскаго Села дочери Государя: Великая Княгиня устраивала у себя племянницамъ маленькія развлечения.

Когда я пріѣхала, Великія Княжны уже были тамъ и пили съ приглашенными чай. Тамъ была блестящая гвардейская мо-

лодежь, кирасиры, козвойцы. Была Ирина Александровна, похожая на лилію и круглолицая принцесса Лейхтенбергская, Надежда.

Великая Княгиня Ольга Александровна подвела меня къ юнымъ Княжнамъ и усадила за чай.

Царевны были прелестны всей свѣжестью юности и простотой. Ольга Николаевна, вспыхивала какъ зорька, а у меньшей Царевны, Анастасіи, все время шалили глаза.

Во дворцѣ царили простота и уютъ, которія создавала сама высокая хозяйка, Великая Княгиня.

Когда я увидѣла ее впервые, мнѣ казалось, что я ее уже давнымъ-давно знаю, давно люблю и что она издавна мой хорошій другъ. Каждый ея взглядъ — правда, каждое слово — искренность. Она сама простота и скромность. Обояніе ее такъ же велико, какъ ея царственного брата.

Великая Княгиня старалась дѣлать такъ, чтобы всѣ забывали, что она Высочество, но она оставалась Высочествомъ, истиннымъ Высочествомъ.

Я пѣла, потомъ начались игры въ жмурки, прятки, жгуты, — эти милыя всѣмъ извѣстныя игры.

Помню, Великая Княжна Анастасія побѣждала за мной со жгутомъ, а я отъ нее, — поскользнулась, да растянулась на паркетѣ.

Царевна помогла мнѣ подняться, наступила на мое платье, оно затрещало, да разорвалось.

Великая Княгиня Ольга Александровна мягко замѣтила тогда мнѣ, что лучше было-бы надѣть простое платье, какъ она и совѣтовала въ письмѣ.

Послѣ игръ Великія Княжны отбыли въ Царское Село, а мы были приглашены къ обѣду.

На прощанье, Принцъ Петръ Александровичъ Ольденбургскій просилъ меня спѣть его любимую пѣсню и, растроганный, не зная какъ меня благодарить, схватилъ цвѣты, украшавшіе

чайную горку съ пирогами и засыпаль земля всъ торты, всъ сладости.

Мнѣ памятенъ этотъ день во дворцѣ, эти цвѣты : въ тотъ день я впервые встрѣтила тамъ того, чью петлицу украсилъ одинъ изъ этихъ цвѣтовъ, того, кто сталъ скоро моимъ женихомъ.

22 января 1915 года на поляхъ сраженій въ Восточной Пруссіи палъ мой женихъ смертью храбрыхъ.

Весной я пѣла въ Ливадіи.

Я и мои друзья втайнѣ беспокоились, что Государыня не оцѣнитъ простыхъ русскихъ пѣсенъ.

Въ десять часовъ вечера, послѣ обѣда въ большомъ дворцовомъ залѣ, я ожидала наверху выхода Ихъ Величествъ.

Тогда въ Ливадіи гостилъ братъ Государыни.

Ровно въ десять раскрылись двери и вошелъ Государь подъ руку съ Государыней. Ея братъ повелъ Ее къ приготовленному креслу, а Государь подошелъ ко мнѣ. Онъ крѣпко сжалъ мою руку и спросилъ :

— Вы волнуетесь, Надежда Васильевна ?

— Волнуюсь, Ваше Величество, — чистосердечно призналась я.

— Не волнуйтесь. Здѣсь всѣ свои. Вотъ постлали большой коверъ, чтобы акустика была лучше. Я увѣренъ, что все будетъ хорошо. Успокойтесь.

Его трогательная забота сжала мнѣ сердце. Я поняла, что Онъ желаетъ, чтобы я понравилась Государынѣ.

Сначала я такъ волевалась, что въ пѣснѣ «помню я еще молодухой была» даже слова забыла. Зарема мнѣ подсказалъ.

Послѣ третьей пѣсни Государыня послала князя Трубецкого освѣдомиться, есть-ли у меня кофе. Всѣ присутствующіе знали, что это милость и что я нравлюсь Ея Величеству.

Въ антрактѣ Государыня бесѣдовала со мной, говорила, что грустныя пѣсни Ей нравятся больше, высказала сожалѣніе, что Ей раньше не удавалось послушать меня.

Государыня была величественна и прекрасна въ черномъ кружевномъ платьѣ, съ гроздью глициній на груди.

Государь подошелъ ко мнѣ съ Ольгой Николаевной. Онъ пошутилъ надъ моимъ волненіемъ, изъ-за котораго я забыла слова и похвалилъ Зарему за то, что онъ подсказалъ. Государь сказалъ, что Онъ помнитъ мои пѣсни и напѣваетъ ихъ, а Великая Княжна подбираетъ на рояли мои напѣвы.

Я отвѣтила, что всѣ мои напѣвы просты, музыкально примитивны.

Государь убѣдительно сказалъ :

— Да не въ музыкѣ дѣло, — они родные.

А на другой день я получила изъ Ливадіи роскошный букетъ. Тогда же старый князь Голицынъ принесъ мнѣ фіалокъ въ старинномъ серебряномъ кубкѣ. Какъ извѣстно, у него была коллекція рѣдкихъ кубковъ.

Князь былъ веселый чудакъ : ходилъ онъ въ старой крылаткѣ, а ѣздилъ въ Ливадію на самыхъ обтрепанныхъ извозчикахъ.

Стояли ясные дни и я думала подольше остаться въ Крыму, но одна странная телеграмма вызвала меня въ Москву.

**

Въ Москвѣ мой лакей-китаецъ чуть не убилъ кухарку за то, что та послала его «къ чертовой матери».

— Какъ ! — крикнулъ китаецъ, — моя мамка чортъ !

И пустилъ въ кухарку тяжелой доской изъ-подъ сыра. Кухарку свезли въ больницу, а меня просили спѣшно пріѣхать домой.

Я тогда пожалѣла, что завела большой штатъ прислуги. Съ ними было столько хлопотъ. Я уѣзжала въ турнэ уставать отъ

концертовъ, а они, отъ бездѣлья, ссорились и дома, вмѣсто отдыха, я должна была разбирать ихъ распри.

Разбаловала я ихъ такъ, что когда выдавала замужъ свою горничную Сою, разбила ей сундуки всякимъ добромъ, вплоть до бриллиантовыхъ серегъ, а Соня все плачетъ. И узнала я, что плачетъ она оттого, что ей не нравится дареная мной шуба, съ воротникомъ изъ куницы, а хочется имѣть каракулевый сакъ.

Послѣ свадьбы, Соня пригласила меня къ себѣ и тогда-то я поняла за какую дуру меня почитала прислуга.

Квартира молодыхъ была обставлена моими вещами, висѣли занавѣски мои на окнахъ, на полочкахъ стояли подстаканники мои. Все было взято у меня безъ спроса.

Я сгорѣла отъ стыда за людей, отъ которыхъ ничего не заперала, и стала дома провѣрять вещи; многого не досчиталась, и сидя въ спальнѣ разлилась горючими слезами, жалѣя не вещи, а людей, что должна ихъ считать нечестными и вѣшать на двери замки, чего раньше не дѣлала, дабы не унижить ихъ чело-вѣческаго достоинства.

Помню я еще сестру милосердія, которая прожила у меня годъ и, уѣзжая, разбила чемоданы моими вещами.

— Вы меня за годъ узнали? — спросила я сестру.

— Да, узнала.

— И если бы вы попросили у меня эти вещи, отдала-бы я ихъ вамъ?

— Отдали-бы, отвѣтила смущенная сестра.

— Тогда зачѣмъ же вы брали все это безъ моего вѣдома?

Сестрѣ было повидимому и невдомекъ, что я страдаю не за себя, а за нее.

Все это, конечно, мелочи, но все это жизненная учоба.

А учоба была у меня такая суровая, что я иногда думала, что правда и красота только тамъ, наверху, гдѣ мерцаютъ чистыя звѣзды, и вообще тамъ, гдѣ насъ нѣтъ.

Такъ мѣнялось мое отношеніе къ людямъ.

Послѣ концерта въ Ливадіи Государыня пожелала, чтобы я навѣщала Ея школу руководѣлія въ Петербургѣ, гдѣ работали молодыя дѣвушки изъ всѣхъ російскихъ губерній.

Я туда и наѣзжала и посылала дѣвушкамъ на свои концерты билеты.

Бывать въ домѣ руководѣлія я любила. Тамъ все по старинѣ, все какъ въ теремѣ: въ обширныхъ мастерскихъ, бѣлолицыя, румяныя дѣвушки съ длинными косами, въ сарафанахъ. За станками — ткачихи, за пядьцами — вышивальщицы и кружевницы. Глазъ не оторвать отъ яркихъ ковровъ и узоровъ. Тамъ я засиживалась по долгу у гостепріимной начальницы мастерской. А провожая меня, дѣвушки катились шумной толпой по лѣстницѣ, выбѣгали на улицу и горѣли яркими цвѣтами на бѣломъ снѣгу.

И теперь сохранилась у меня набойчатая, шитая скатерть, подарокъ этой мастерской. Скатерть, какъ старый другъ со мной.

Вспоминаю еще въ Москвѣ Бородинскія торжества...

Развѣ можно забыть, какъ гудѣла Москва, какъ гостей дорогихъ принимала она?

Развѣ можно забыть тотъ потокъ москвичей, что залилъ, запрудилъ всю отъ края до края Москву. Да какъ солнце родное разыгралось тогда и зажгло надъ Москвой всѣ кресты, купола.

И какъ грянулъ великій Иванъ съ высоты, задрожала земля и запѣла Москва.

Съ золотыхъ куполовъ, сорока сороковъ, понеслась эта пѣсня къ Престолу Творца!

И молитвой упала на наши сердца и слезой умиления омылась душа.

Развѣ можно забыть, что по-нынѣ волнуетъ меня и чего не увижу нигдѣ, никогда...

**

1913 годъ, помнится, я встрѣчала у Л. В. Собинова. Въ тотъ вечеръ былъ бенефисъ Коралли, гостинная была наполнена цвѣтами и душила своимъ ароматомъ укрѣпленная на треножникѣ звѣзда изъ туберозъ.

Леонидъ Витальевичъ шутя признался, что самъ «поднесъ Вѣрочкѣ ея любимые цвѣты, чтобы увеличить успѣхъ».

Встрѣча Нового Года прошла весело. Среди гостей я помню Попелло-Давыдова съ красивой женой, и нашего общаго любимца, инженера О. А. Гиля, стараго холостяка съ тоненькимъ голосомъ, который никогда не разставался съ фотографическимъ аппаратомъ... Недавно узнала я объ его одинокой кончинѣ на родинѣ, въ голодный годъ.

А тогда, за полночь, Леонидъ Витальевичъ позвонилъ Шаляпину, поздравилъ его съ новымъ годомъ и помирился съ нимъ: до того у нихъ была размолвка.

Вскорѣ, послѣ новогодней встрѣчи, на благотворительномъ частномъ концертѣ я пѣла съ Леонидъ Витальевичемъ дуэтъ «Ванька-Танька».

И какъ же тревожилась я изъ-за этой пустячной пѣсни, собственно не изъ-за пѣсни, а изъ-за того, что буду пѣть съ Собиновымъ.

Хорошо, что концертъ былъ въ домѣ нашихъ милыхъ друзей Калиныхъ, тамъ слушали безъ критики и все сошло хорошо.

Въ домѣ Калиныхъ умѣли повеселиться и не мудрено, такъ какъ бывали тамъ художники, артисты, а за ужинъ, въ день концерта сѣли чуть-ли не всѣ артисты Художественнаго театра. Ря-

домъ со мной сидѣла маленькая съ умными, горячими глазами поэтесса Татьяна Куперникъ. Она написала мнѣ тогда экспромтомъ стихи, которыя мнѣ не удалось сохранить, какъ и многое другое.

А домой меня провожали И. М. Москвинъ и В. И. Качаловъ съ женой.

Въ наемной каретѣ было такъ весело, что мы долго ѣздили по улицамъ и чуть не заблудились въ родной Москвѣ.

А все потому, что ужъ очень былъ гостеприименъ домъ Калиныхъ и Москвинъ съ Качаловымъ были въ большой дружбѣ и вкусъ у нихъ къ напиткамъ былъ одинаковый и пили они поровну, но, при разныхъ ампуа, разговоръ между ними получался замѣчательный.

Когда, въ 1923 году, приѣзжали въ Берлинъ московскіе художники, я убѣдилась, что въ игрѣ они остались тѣми же чародѣями, но внѣшне за эти годы измѣнились: всѣ казались расплывшимися.

«Теперь мы въ одну карету не вмѣстились-бы», мелькнула у меня на берлинскомъ спектаклѣ грустная мысль.

Весной 1913 года въ Маріинскомъ театрѣ праздновали 25-ти лѣтній юбилей создателя великорусскаго оркестра В. В. Андреева.

Юбилейный концертъ былъ торжественный. Присутствовалъ Государь съ Великими Княжнами.

Василій Васильевичъ, питавшій ко мнѣ дружескія чувства, просилъ меня участвовать на его праздникѣ.

Директоромъ театровъ былъ тогда Теляковскій. За кулисами я видѣла, какъ онъ проходилъ въ уборную Ф. И. Шаляпина, который не пѣлъ въ тотъ вечеръ, а долженъ былъ сказать привѣтствіе юбиляру.

Удивилъ меня тогда Федоръ Ивановичъ. Онъ ужасно волновался за кулисами.

— Ну чего я волнуюсь? — сердился онъ на самого себя. — Если бы еще пѣлъ, а то вѣдь не пою, а волнуюсь.

Его руки, дѣйствительно, были холодными отъ волненія. Но вышелъ на сцену и никому въ голову не пришло-бы, что великій Шаляпинъ волнуется.

Когда очередь дошла до меня, я даже удивилась своему спокойствію.

Выйдя на сцену, я повернулась къ правой ложѣ, внизу, гдѣ былъ Государь съ Великими Княжнами и сестрой Ольгой Александровной и поклонилась имъ, коснувшись рукою земли.

Послѣ четырехъ пѣсень, публика не желала меня отпустить. Въ царской ложѣ аплодировали, а Государь дѣлалъ мнѣ рукой знакъ, приглашая выходить еще. Получалась неловкость, — я точно заставляла Государя настаивать, чтобы я пѣла. Но съ оркестромъ у меня ничего больше не было. Я — въ отчаяніи. Прибѣгаетъ Теляковскій, просить пѣть еще. Пришлось экспромтомъ, подъ гусли, пѣть еще двѣ пѣсни.

На сцену мнѣ подали значокъ съ брилліантовой цифрой 25. Этотъ значокъ былъ утвержденъ къ юбилею В. В. Андреева и давался служителямъ народнаго искусства.

За кулисами меня ждалъ Теляковскій. Онъ говорилъ со мной стоя, безъ улыбки, такъ, что я не знала сердится онъ на меня или мной доволенъ.

— Кто васъ училъ такъ держаться на сценѣ, кто васъ училъ такъ держать руки?

Я немного оторопѣла отъ его тона. «Вотъ», думаю, «что такое Императорскій театръ, тутъ все не такъ надобно, какъ я дѣлаю. Недаромъ и Шаляпинъ такъ волновался передъ выходомъ».

А Теляковскій продолжалъ:

— Я то думалъ, какъ она выйдетъ на сцену, куда дѣнетъ руки.

И, обращаясь къ стоящей рядомъ оперной артисткѣ, сказала:
— Учитесь у Плевницкой, какъ держаться на сценѣ.

Я вспыхнула отъ неожиданнаго комплимента, который задѣ-
вая самолюбіе другихъ, и сказала Теляковскому, что отъ его
похвалъ чувствую себя неловко.

Въ тотъ день онъ пригласилъ меня участвовать на концертъ
въ Ярославль, по случаю трехсотлѣтія дома Романовыхъ.

Ярославское дворянство устраивало торжественную встрѣчу
Государю.

А на концертъ были приглашены Е. И. Збруева, Л. В. Соби-
новъ и квартетъ Н. Н. Кедрова.

Въ Ярославль намъ отвели домъ, гдѣ мы и размѣстились
дружной семьей.

Помню, какъ мы съ Л. В. Собиновымъ тотчасъ пошли къ
врачу, такъ какъ и я и онъ схватили въ дорогѣ насморкъ.

Докторъ далъ мнѣ капли и приказалъ передъ концертномъ
одну каплю влить въ носъ, что я и продѣлала. Мнѣ стало весело
и въ носу пересохло.

— Ну и капли, — восхищалась я. — Ну и докторъ, дай Богъ
ему здоровья!

Такую же бутылочку и Собиновъ получилъ, только онъ, къ
моему удивленію, прямо бутылочку въ носъ опрокинулъ и влилъ
половину.

Пѣль онъ чудесно. Впрочемъ и меня капелька выручила.

На концертъ присутствовали Государь и Государыня.

Послѣ концерта я должна была лечь въ постель, чувствуя
недомоганіе. Мои милые сосѣди огорчились. Но вогъ у меня
подъ окнами раздалась серенада «Четырехъ Кавалеровъ».

А вѣдь всѣмъ извѣстно, когда квартетъ Кедрова поетъ, го
всякая хворь проходитъ.

«Четыре Кавалера» подняли и меня и мы всѣ весело поужи-
нали, милый К. Н. Кедровъ былъ трогательно-заботливъ и ве-

сель какъ ребенокъ, а его старшій братъ Н. Н. Кедровъ ласковымъ голосомъ, какъ нянюшка, рассказывалъ мнѣ сказку про одну деревенскую дѣвочку, которая была похожа на меня.

Помнить-ли Николай Николаевичъ эту сказочку? А я помню.

**
*

Поѣздка по Сибири всегда доставляла мнѣ удовольствіе. Бывала я тамъ и зимой и весной.

Что за ширь необъятная... Зимой я любовалась уральскими грозными елями, которыя покоились подъ снѣгами. На сотни верстъ ни одной души, ни одного слѣда, — только сверкаетъ алмазами бѣлая, могучая даль.

Любуешься чистой красотой сибирской зимы и вдругъ мелькнетъ въ головѣ: «что-бы ты дѣлала, если-бы очутилась тутъ одна, да не въ поѣздѣ, а въ снѣжномъ полѣ или въ тайгѣ?»

Весной я видѣла въ Сибири такую красоту, что не могла отъ окна оторваться.

Экспрессъ мчался между огромныхъ кустовъ пионовъ, по пути разстилались ковры полевыхъ орхидей, ирисовъ, огоньковъ.

Къ сожалѣнію, я молча любоваться не умѣю, все «ахаю», да «охаю» и было, поди, утомительно сосѣдямъ слушать мои аханья тысячи верстъ.

Однажды, въ поѣздкѣ по Сибири, заболѣлъ ревматизмомъ мой аккомпаниаторъ Зарема.

Я была въ затрудненіи. Не отмѣнять же концерты. Поэтому мы всѣ лечили и берегли Зарему, какъ зѣницу ока. Руки его были здоровы, только ноги не дѣйствовали, и вотъ мы сажали его въ кресло, приставляли къ рояли, поднимали занавѣсь, а уносили Зарему только тогда, когда занавѣсь падалъ.

Несмотря на боли онъ все-таки продолжалъ поѣздку. Во время сильныхъ приступовъ онъ свистѣлъ или бранился.

— Такъ, такъ, такъ тебѣ и слѣдуетъ подлецу, мерзавцу...

— За что это вы такъ себя величаете? — спрашивали его.

— За грѣхи молодости, больно веселился мальчикъ, — и скрипѣлъ отъ боли зубами.

За три года совмѣстныхъ выступленій онъ зналъ наизусть весь мой репертуаръ и игралъ безъ нотъ.

Были у него любимыя пѣсни, когда онъ аккомпанировалъ и плакалъ.

Любилъ онъ также романсъ «Чайка».

Случалось, что заслушается и напутаетъ аккомпаниментъ.

Тогда я сердилась на него и, уходя со сцены, сейчасъ же дѣлала ему выговоръ. Но онъ изучилъ меня и, если напутаетъ, то не идетъ за мной слѣдомъ со сцены, какъ всегда, а уходитъ къ другой кулисѣ и, обмахиваясь программой, раскланивается оттуда со мной, сверкая лысиной.

Злость у меня проходила и мы оба смѣялись...

Когда я вернулась изъ Сибири и пѣла въ Царскомъ, помню, какъ Государь въ бесѣдѣ со мной освѣдомился:

— Ну, какъ васъ принимали тамъ? Я знаю, сибиряки хлѣбосольные и меня они хорошо встрѣчали.

Какое сравненіе и какая святая скромность.

Сараевское убійство застало меня въ Швейцаріи, гдѣ я отдыхала на Невшательскомъ озерѣ.

Утромъ ко мнѣ зашелъ В. А. Шангинъ, прочелъ мнѣ газету и сказалъ:

— Укладывайте вещи, завтра надо ѣхать въ Россію.

Ахъ, я ничего не понимала въ политикѣ и удивилась, какое отношеніе имѣютъ мои вещи къ убійству чужого принца гдѣ-то въ Сербіи?

И не знала я, что надвигается на насъ горе великое.

Вотъ оно грянуло и содрогнулась земля и полилась кровь. Слава вамъ, русскія женщины, слава вамъ страдальцы! Вы отдали все дорогое отечеству.

Россія закипѣла въ жертвенной работѣ, всѣ сплотились во едино, никто не спрашивалъ, — како вѣруешь, — всѣ были дѣти матушки-Россіи.

А кто-же ее не любилъ?

Не стану описывать того, что знаетъ каждый, а я сбросила съ себя шелка, наряды, надѣла сѣрое ситцевое платье и бѣлую косынку.

Знаній у меня не было и понесла я воину-страдальцу одну любовь.

Въ Ковно, куда пришла второочередная 73-ья пѣхотная дивизія, я поступила въ Николаевскую общину сидѣлкой, а обслуживала палату на восемь коекъ.

Дежурство мое было отъ восьми утра до восьми вечера.

Къ намъ поступали тяжело-раненые, которые нуждались въ немедленной помощи.

Русскій солдатъ, кто не полюбитъ его! Русскій солдатъ весель и послушень, какъ ребенокъ, а терпѣливъ, какъ святой.

Бывало, скажешь раненому, чтобы онъ не стоналъ и не мѣшалъ сосѣду спать. Онъ сейчасъ же и притихнетъ. Мнѣ такъ становилось жаль его, затихшаго, что я едва сдерживала слезы.

У меня не доставало крѣпости, какую должна имѣть сестра. Я подходила къ страдальцу и долго и тихо гладила ему руки, покуда онъ не засыпалъ.

И всѣ они тосковали по семьямъ. Имъ нужна была ласка. Я знала каждаго изъ нихъ и такъ къ нимъ привыкала, что когда кто-нибудь выписывался, я скучала.

Сидя у постели страдальца я думала, что у Бога мы всѣ равны, а тутъ лежитъ предо мною изувѣченный неизвѣстный человекъ и никакихъ чиновъ-орденовъ у него нѣтъ. Онъ, видишь ты, не герой, а свою жизнь отдаетъ отечеству одинаково со всѣ-

ми главнокомандующими и героями. Только солдатъ отдаетъ свою жизнь очень дешево, иногда и по ошибкѣ того-же главнокомандующаго.

Да простятъ мнѣ устроители судебъ человѣческихъ : съ точки зрѣнія законодателей я, вѣроятно, думала неправильно, но по совѣсти, мнѣ кажется, я права.

— Сестрица, у меня завтра Престольный праздникъ, Покрова, шепталъ тяжело-раненый. — На будущій годъ, Богъ дастъ, отпраздную . . .

А я знала, что дни его сочтены и никогда онъ не увидитъ родного угла.

Чтобы порадовать его, я приносила ему изъ церкви просфору, убирала кровать багряными осенними вѣтвями, покупала вина, фрукты, и устраивала для всей палаты Престольный Праздникъ.

Я имѣла пѣла для праздника.

— И откуда, ты, сестрица, наши пѣсни знаешь ? — удивлялись они. — Неужто сама деревенская ?

На мой утвердительный отвѣтъ, я получала предложенія : одинъ говорилъ, что у него богатый домъ, двѣнадцать десятинъ земли, садъ и новая изба и еслибы Богъ послалъ ему такую «жану», то была-бы не жизнь, а рай.

Другой объявился еще богаче: у него пасѣка. И, въ концѣ-концовъ, я всей палатѣ обѣщала по жребію выйти замужъ, а до того, всѣ они мои женихи, только бы выздоравливали скорѣе.

По временамъ устраивались концерты наверху, въ офицерскомъ отдѣленіи. Были и публичные, съ благотворительной цѣлью. За неимѣніемъ платьевъ, я концертировала въ голубенькомъ сестринскомъ нарядѣ.

А иногда мои пѣсни требовались, какъ лѣкарство.

Помню, сестра пришла однажды ко мнѣ въ палату изъ офицерскаго отдѣленія и просила помочь ей успокоить тяжело-раненаго, которому даже морфій не помогаетъ.

Сидя у его постели, я тихо мурлыкала пѣсни и подъ нихъ онъ затихъ и уснулъ. Я долго-долго сидѣла не шевелясь, такъ какъ онъ крѣпко держалъ мою руку.

Не разъ потомъ приходилось мнѣ пѣть ему колыбельныя пѣсни... Уже теперь, въ Берлинѣ, я встрѣтила моего ковенскаго паціента: онъ пришелъ ко мнѣ за кулисы совершенно здоровый, чѣмъ пріятно меня поразилъ. А вѣдь былъ онъ раненъ въ позвонокъ, лежалъ безъ движенія, и мы, сестры, думали, что останется онъ калѣкой.

Въ Ковно пришла на отдыхъ кавалерія, къ мужьямъ пріѣхали повидаться жены изъ Петербурга. Среди нихъ были и мои знакомыя.

Иногда мы собирались въ гостиницѣ «Версаль» пить чай, вели тихія бесѣды и вспоминали недавнее и друзей, которыхъ уже никогда не будетъ съ нами. Съ фронта пріѣхалъ Великій Князь Дмитрій Павловичъ и посѣтилъ нашъ чай. Грудь его была украшена Георгіевскимъ крестомъ.

Эта награда, какъ видно, радовала его безмѣрно. Онъ на меня какъ-будто даже обидѣлся, что я запоздала его поздравить.

А собой былъ простой и общительный Великій Князь таковъ, что если бы моя мать его увидѣла, непременно сказала бы:

— Ахъ, и дите уродилося непомѣрной красоты.

И я съ ней согласилась бы.

Вскорѣ Великій Князь сталъ прощаться. Онъ сообщилъ, что его требуютъ въ штабъ Рененкампа, который вдругъ очутился на вокзалѣ въ Ковно.

Всѣ поняли, что это значитъ.

А на другой день, утромъ, въ штабъ 73-ей пѣхотной дивизіи былъ полученъ приказъ выступать на фронтъ.

Начальникъ штаба, полковникъ Генеральнаго Штаба В. В. Кривенко хлопоталъ, чтобы ему дали полкъ. Его желаніе исполнилось и подъ Эйдкуненомъ онъ уже командовалъ Трубчевскимъ полкомъ.

Тогда его должность временно занялъ поручикъ Кирасирскаго Ея Величества полка В. А. Шангинъ, только что окончившій Академію Генеральнаго Штаба, но уже съ боевымъ опытомъ, такъ какъ еще студентомъ ходилъ добровольцемъ въ Японскую войну и имѣлъ Георгіевскій крестъ.

— Выступаемъ, — радостно сообщилъ мнѣ В. В. Кривенко.

— Радуюсь за васъ, — сказала я и подумала: «зачѣмъ я говорю не то, что думаю, вѣдь никакой радости нѣтъ провожать людей на смерть. Вотъ если бы кончилась война, то была бы радость».

Дивизія была готова къ выступленію, была готова и я.

Но телеграмма, посланная въ Ставку съ просьбой зачислить меня въ дивизионный лазаретъ, осталась безъ отвѣта. Въ дивизионныхъ лазаретахъ сестрамъ быть воспрещалось.

Тогда, съ разрѣшенія дивизионнаго начальства, въ формѣ санитаря, я выступила въ походъ при нашемъ лазаретѣ.

Былъ солнечный осенній день, падали -кружились золотые листья. На дорогѣ колыхались стройныя колонны полковъ.

Постриженные и побритые, по приказанію начальника дивизіи, «второочередные дядьки» выглядѣли помолодѣвшими, бодрыми молодцами.

Но видно, не всѣ сбрили бороды и на мосту стоялъ часовымъ степенный дядько въ бородѣ. Начальникъ дивизіи крикнулъ ему:

— Здорово, молодецъ!

Бородачъ медленно приложилъ виштовку къ животу, поклонился генералу и сказалъ съ удовольствіемъ:

— Здравствуйте, Ваше Превосходительство.

— Ворона ты, а не молодецъ, — разсердился генераль, а

кругомъ всё покатились со смѣху къ великому недоумѣнію часового. Вся фигура бородача вопрошала, за что генераль сначала его молодцомъ, а потомъ вороной обозвалъ. Кажется все по правилу: и на карауль взялъ и поклонился и вѣжливо поздоровался.

Жаль мнѣ стало бородача, вѣроятно тихаго мужика-пахаря, оторваннаго отъ земли, отъ сохи, отъ дѣтей.

А чистое небо синѣетъ, а солнце осеннее играетъ. И съ по-свистомъ пѣсни несутся лихія и прячутъ печаль другъ отъ друга солдаты. А смерть подколодной змѣей подползаетъ и храбрыхъ костлявымъ перстомъ отмѣчаетъ.

Такъ съ пѣсней лихою шли въ бой храбрецы, надъ ихъ головами сіяли вѣнцы.

Послѣ ночлега въ маленькомъ городкѣ дивизія двинулась къ Вержболово, откуда была слышна орудійная пальба.

Я стояла у дороги и бросала проходившимъ солдатамъ пачки папирозъ, закупленные въ мѣстечкѣ. Я смотрѣла какъ радовались солдаты, будто маленькія дѣти, и какъ ловили пачки на лету.

А нѣкоторые подбѣгали ко мнѣ и, не угадывая во мнѣ женщину, просили :

— Ваше благородіе, дозвольте коробочку, а то ребята не даютъ, обижаютъ.

Идутъ, идутъ колонны, идутъ туда, гдѣ адъ кипитъ, подъ дождь стальной, идутъ въ огонь.

Упасть-бы на землю, поклониться-бы имъ всѣмъ.

Поклониться смѣлымъ за храбрость, за удалъ, кроткимъ за кротость, за послушаніе.

Вы, всё мои братья, вы всё дорогіе, родимые.

Все ближе рвутся снаряды.

Сумерки. Дивизія вступила въ бой. Вержболово горѣло, страшно освѣщая краснымъ полымемъ небо.

Грохотали орудія.

Въ полѣ сталъ штабъ дивизіи. Дивизионный лазаретъ развертывался въ двухъ верстахъ отъ штаба. Раненыхъ еще не было, мы ждали ихъ, сидя на соломѣ въ душной и тѣсной избѣ.

Въ два часа ночи раненыхъ привезли. Санитаръ обносилъ ихъ огромнымъ чайникомъ съ кипяткомъ, а я поила и, кому можно было, давала коньякъ, который потихоньку стащила у доктора.

Я, грѣшная, думала, что рюмка коньяку была необходима человѣку, который только что вырвался изъ огня, — потрясенный, въ крови.

На залитыхъ кровью людей невыносимо было глядѣть. Всѣ силы напрягла, чтобы быть спокойной. Мученическіе глаза, — во вѣки ихъ не забуду.

Миновала ночь.

Начальникъ дивизіи генераль Левицкій, любезно предложилъ мнѣ мѣсто въ своемъ автомобилѣ, чтобы довести до новой стоянки лазарета.

За Эйдкуненомъ шель бой. У пограничнаго моста автомобиль начальника дивизіи встрѣтилъ отступающую артиллерию.

Генераль Левицкій остановилъ автомобиль и яростно крикнулъ :

— Кто приказалъ отступать? Командира сюда!

Блѣдный командиръ на сѣромъ конѣ, выслушавъ крѣпкое приказаніе, повернулъ обратно на позицію.

Черезъ нѣсколько минутъ загрохотала наша артиллерія.

У взорваннаго пограничнаго моста начальникъ дивизіи и поручикъ Шангинъ пошли пѣшкомъ на ту сторону рѣки.

Я осталась у автомобиля съ полнымъ чемоданомъ перевязочныхъ средствъ. Мимо меня проходили раненые, которые могли двигаться сами.

Мои бинты скоро изсякли : раненыхъ было много. Вѣдь въ одномъ Коротоярскомъ полку выбили въ тотъ день двѣ тысячи человѣкъ.

Я знала, что лазаретъ стоитъ не развернутымъ въ полѣ и, нарушивъ приказаніе не двигаться, пошла въ Эйдкуненъ, гдѣ развѣвался флагъ съ краснымъ крестомъ. Тамъ, стало быть, полковой околотокъ.

По дорогѣ, въ маленькой будкѣ, я увидѣла начальника дивизіи и поручика Шангина, который, не отрываясь отъ аппарата, передавалъ изнемогающему Коротоярскому полку :

— Держитесь еще нѣсколько минутъ ! Къ вамъ идетъ на помощь Валуйскій полкъ.

Начальнику дивизіи, повидимому, некогда было на меня сердиться за ослушаніе.

Постоявъ около будки, я пошла въ околотокъ.

Въ эту минуту орудія смолкли и наступила жуткая тишина.

Я остановилась и послушала тишину и вдругъ тамъ, гдѣ изнемогала Коротоярскій полкъ, злобщей частой дробью застучали пулеметы. А когда пулеметы смолкли, грянуло ура, наше русское ура. Валуйцы пошли въ атаку.

О, Господи правый, сколько въ этотъ мигъ пролито крови. Какую жатву собрала смерть ?

Въ околоткѣ, куда я пришла, врачи выбивались изъ силъ и руки ихъ были въ крови. Не было времени мыть.

Полковой священникъ, съдой іеромонахъ, медленно и съ удивительнымъ спокойствіемъ рѣзалъ марлю для бинтовъ.

— А ты откуда тутъ взялся ? — обратился онъ ко мнѣ, — и не разберешь, не то ты солдатъ, не то ты сестра ? Это хорошо, что ты пришла. Ты быстрѣе меня рѣжешь марлю.

И среди крови и стонувъ, іеромонахъ спокойно сталъ рассказывать мнѣ откуда онъ родомъ, какой обители и какъ ему трудно было въ походѣ привыкать къ скоромному.

Мнѣ показалось, что онъ умышленно завелъ такой неподходящій разговоръ. «А, можетъ, онъ придурковатый ?» — мелькнуло у меня, но встрѣгивъ взглядъ іеромонаха я поняла, что лучисто-синіе глаза его таятъ мудрость.

Руки мои уже не дрожали и увѣренно рѣзали марлю, спокойствіе передалось отъ монаха и мнѣ.

Позже, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда пробивался окруженный непріателемъ полкъ, этотъ іеромонахъ, въ облаченіи съ крестомъ, шель впереди. Его ранили въ обѣ ноги. Онъ приказалъ вести себя подъ руки. Онъ палъ смертью храбрыхъ.

Уже была ночь сырая, холодная, когда квартирьеры указали намъ полуразрушенный домъ безъ оконъ, на дорогѣ къ Сталупенену. Тамъ долженъ былъ ночевать штабъ дивизіи.

Сталупенень въ нашихъ рукахъ, но стоилъ онъ тысячей жизней.

Пронизывающій вѣтеръ дѣлъ въ окна, въ углу оплывала свѣча. Горячій чай въ никелевой кружкѣ казался мнѣ драгоценнымъ напиткомъ, а солома, постланная на полу, чудеснымъ пуховикомъ.

Послѣ моего перваго боевого дня я спала такъ крѣпко.

И не слыхала я, что поздней ночью былъ въ штабѣ тотъ, кто былъ мнѣ дороже жизни.

Не слыхала, что стоялъ надо мной и сна моего не потревожилъ.

А только послѣ его смерти я прочла въ его дневникѣ записъ, помѣченную тѣмъ днемъ, той ночью — «чуть не заплакала надъ спящимъ бѣднымъ моимъ Дю, свернувшимся въ жалкій комочекъ на соломѣ, среди чужихъ людей».

Утромъ солнце освѣтило наше неудобное убѣжище и мы увидѣли, что спали среди мертвецовъ.

Въ сараѣ, въ закоулкахъ, около дома, въ придорожной канавѣ, въ саду, въ полѣ, кругомъ, — лежали павшіе воины.

Лежали въ синихъ мундирахъ враги и въ сѣрыхъ шинеляхъ наши.

Страшный сонъ наяву! Да и въ страшномъ снѣ я не видала столько мертвецовъ: куда ни глянь лежатъ синіе и сѣрые бугорки; въ лощинахъ больше. Они ползли туда, быть-можетъ уже

раненые, отъ смерти, но смерть настигала ихъ, и теперь въ лошахъ неподвижные бугорки.

Предо мной лежалъ русскій солдатъ въ опрятной и хорошей шинели. Спокойно лежалъ. Будто легъ отдохнуть. Только черепъ его снесенный снарядомъ, какъ шапка, былъ отброшенъ къ плечу: точно чаша, наполненная кровью.

Чаша страданія, чаша жертвы великой.

— Пійте отъ нея вси, сія есть кровь Моя яже за вы и за многія изливаемая...

Тотъ, Кто сказалъ это, навѣрное ходилъ между павшихъ и плакалъ.

Изъ походнаго ранца солдата виднѣется уголокъ чистаго полотенца, а на немъ вышито крестикомъ «Ваня».

Ахъ, Ваня, Ваня, кто вышилъ это ласковое слово? Не жена-ли молодая, любящая? Не любящая-ли рука матери вязала твои рябые, теплые чулки?

Что нынѣшнюю ночь снилось тѣмъ, кто такъ заботливо собиралъ тебя въ походъ?

Холодное солнце дрожить въ чашѣ, наполненной твоей кровью. Я одна надъ тобой. Какъ бы обняли тебя, Ваня, любящія руки, провожая въ невозвратный путь.

До января боевъ не было.

Старшій дивизионный врачъ, симпатичный вѣчный студентъ, не прочь былъ выпить, а выпивши пѣль — «гаудеамусъ». Онъ былъ скромень, прївѣтливъ, и въ лазаретѣ жилось хорошо.

Съ удовольствіемъ вспоминаю Рождественскую елку въ штабѣ дивизіи, куда прїѣхала съ подарками жена начальника дивизіи С. П. Левицкая.

Штабъ стоялъ въ имѣніи Амаліенгофъ, между Сталуненемъ и Гумбиненомъ, близъ полотна желѣзной дороги.

И теперь, когда я проѣзжаю тамъ, всегда стою у окна ва-

гона и жду, какъ промелькнетъ большой барскій домъ и окно той комнаты, убранное елочками.

Покажутся изъ-за дома высокія верхушки елей, а тамъ, подъ этими елями, я помню былъ холмикъ съ бѣлымъ деревяннымъ крестомъ.

Я кланялась холмику и тому, кто лежалъ въ чужой землѣ, одинокій.

Теперь креста навѣрное уже нѣтъ тамъ и холмикъ разметали.

И чего не вспомнится въ короткій мигъ, когда промелькнетъ Амаліенгофъ...

Помню, обширную столовую и большую люстру, подъ которой не любилъ сидѣть Левицкій, опасаясь, что она упадетъ ему на голову.

Помню, какъ за обѣденнымъ столомъ вели военные споры и разговоры о томъ, кто храбръ, а кто нѣтъ.

Полковникъ Кривенко, къ которому я обратилась, сказалъ мнѣ :

— Храбрый — это капитанъ Звѣревъ. Тотъ, маленький, рябой, у котораго носъ пятачкомъ. Еще въ Японскую войну, на походѣ заснулъ на орудіи зимой и приморозилъ къ пушкѣ носъ. Проснулся, потянулъ носъ и оторвалъ кончикъ. Звѣревъ, — отважный офицеръ.

— Есть еще въ дивизіи храбрецъ, вольноопредѣляющійся Иванъ Михайловичъ Калининъ, корреспондентъ «Новаго Времени». Онъ ходитъ въ самыя опасныя развѣдки. Вотъ еще поручикъ Шангинъ, вродѣ Звѣрева. На дняхъ оба, на бѣлыхъ лошадяхъ, проѣхали по верхушкѣ окопа, а тамъ не только ѣздить, — головы высунуть нельзя. За это имъ былъ нагоняй отъ начальника дивизіи.

Полковникъ Кривенко восхищался храбростью другихъ, а что самъ онъ былъ очень смѣлымъ, объ этомъ я слышала отъ многихъ.

На тѣхъ же святкахъ мы ѣздили, помню, въ Тракенень, гдѣ есть знаменитый конскій заводъ.

Попечительница Николаевской общины Княгиня Васильчикова прѣехала къ намъ изъ Ковно и привезла мнѣ косынку съ кошникомъ: это было своего рода повышение. Съ княгиней-то мы и поѣхали въ Тракенень.

Тамъ стояла кавалерія генерала Леонтовича. Генераль встрѣтилъ насъ гостепрѣимно и показалъ великолѣпные лошадиные дворцы.

На дворѣ мы увидѣли, между прочимъ, чубатаго, съ тонкимъ, красивымъ лицомъ, казака, который учился ѣздить на велосипедѣ.

Онъ не обращалъ на насъ вниманія, а упрямо одолаивалъ стального коня. Впрочемъ этотъ конь то и дѣло сбрасывалъ казака въ снѣгъ.

Генераль Леонтовичъ окликнулъ его. Онъ подбѣжалъ, вытянулся.

— Позвольте представить, — сказала генераль, — первый Георгіевскій кавалеръ, казакъ Крючковъ.

Такъ мы увидѣли Крючкова, портретами котораго уже пе-стрѣли всѣ журналы.

Княгиня казака сфотографировала. Онъ позировалъ неохотно. Генераль Леонтовичъ замѣтилъ, что Крючковъ «не очень дисциплинированъ». Когда Крючковъ хочетъ идти въ развѣдку, а генераль не разрѣшаетъ, онъ упрямо трясетъ чубомъ, повторяя: «а почаму, а почаму?».

Мы выѣхали изъ Тракенена и княгиня захотѣлось вдругъ поѣхать поближе къ фронту. Она приказала шофферу повернуть туда.

Дорога хорошая. Тихо. Кругомъ бѣлый снѣгъ, ни души. Вдали темнѣетъ хвойный лѣсъ и курится дымокъ. Догораеть, вѣроятно, лѣсная сторожка.

Вдругъ съ лѣвой стороны, вдоль шоссе проворковалъ снарядъ, другой, третій. Разрывы за нами.

— Стой! — шофферъ остановился.

На дорогу вышелъ офицеръ. Онъ недоумѣвалъ, кто намъ разрѣшилъ сюда ѣхать.

— Вѣдь тутъ уже нѣмцы, — указалъ онъ на лѣсокъ. — И они стрѣляютъ по вашему автомобилю. Думаютъ, что начальство какое-то ѣдетъ.

Мы повернули обратно. Насъ провожали снаряды.

Невдомекъ было нѣмцамъ, что находится въ автомобилѣ княгиня, въ послѣднемъ мѣсяцѣ беременности, да народная пѣвица, а то пожалуй они и снарядовъ не тратили-бы.

*
*

Передъ нашимъ отступленіемъ изъ Восточной Пруссіи, командиръ Корпуса генералъ Епанчинъ, приказалъ сестрамъ находиться подальше отъ фронта. Меня перевели въ Эйдкуненъ въ полевой госпиталь, и когда я ѣздила въ штабъ дивизіи, то старалась не попадаться на глаза суровому генералу Епанчину.

Меня всегда возилъ тихій санитаръ Яковъ.

Отъ Эйдкунена до Амаліенгофа двадцать пять верстъ. Бывало ѣдемъ ночью, въ непогоду. Жутко, темно, ни души кругомъ.

— Не спѣть ли намъ, Яковъ? — предложу я.

— И то, сясстрица, споемъ!

«Вотъ мчится тройка удалая, по Волгѣ матушкѣ зимой!..»
Точно разсѣкала темень родная пѣсня, а съ ней и дорога казалась короче.

Одинъ домъ не могла я миновать спокойно. Было это ночью или днемъ, всегда у того дома испытывала глухое волненіе: въ трехъ верстахъ отъ Эйдкунена стоялъ тотъ домъ, низкій и мрачный. Какъ только завижу его, у меня начинало ныть сердце отъ тоски и невѣдомаго страха. Но какъ миную домъ, — все проходитъ.

Почему, почему же я страшилась того мрачнаго дома ?

Бушевала метель. Надъ желѣзнодорожнымъ полотномъ, злымъ коршуномъ вился вражескій аэропланъ.

Леталъ низко, кружился, рычалъ, нырялъ въ мглу вьюги и вновь вылеталъ, снижался, сбрасывалъ огненные бомбы, — какъ демонъ крылатый.

Наши отступали по глубокому снѣгу въ мятели, выбиваясь изъ силъ.

Мы уходили, но врагъ настигалъ, отрѣзывалъ обозы, забиралъ въ плѣнъ.

Яковъ гналъ утомленную лошадь, ерзалъ на сидѣньи, словно помогая ей. Насъ обгоняли всѣ. Мчащаяся въ карьеръ артиллерія перевернула насъ въ сугробъ.

Дивизионный врачъ и я очутились въ снѣгу, прикрытые саними, и намъ пришлось бы долго лежать тамъ, если бы насъ не освободилъ Яковъ.

Старшій врачъ, отряхивая снѣгъ съ полушубка, мягко корилъ Якова, который не далъ во время дороги артиллеріи.

— Что-же это ты, братецъ, таво-этово ? Вѣдь это же ты понимаешь, таво ? Мы могли таво-этово, такъ тамъ и остаться, а ты, братецъ, таво . . .

Яковъ прилаживалъ сани, докторъ дрожащими руками старался зажечь папиросу, а у меня такъ билось сердце, что я пожаловалась на сердечный припадокъ.

— Хоть умрите, дорогая, — сказалъ докторъ, — помочь ничѣмъ не могу.

Ужъ наступила ночь. Мы снова тронулись. По дорогѣ темнѣли холмики въ снѣгу. Метель заметала темныя холмики, — замерзающихъ.

Мое сердце мучительно билось, точно терзалось въ груди. Я закрывала глаза и видѣла мертвенно-блѣдное лицо моего дорогого. Гдѣ онъ, гдѣ онъ ? Вѣдь штабъ дивизіи давно промчался мимо, а я не видѣла его съ ними.

Я отыскала штабъ дивизиі въ маленькомъ мѣстечкѣ и тамъ узнала о моемъ горѣ.

Свершилось самое страшное: упала завѣса желѣзная и свѣтъ погасъ въ глазахъ.

Спасая другихъ, онъ самъ погибъ у того самаго дома, котораго я не могла миновать безъ тяжкой тоски.

Да будетъ Воля Твоя, да святится имя Твое.

Помню, штабной офицеръ далъ мнѣ мѣсто въ коляскѣ, которая то и дѣло погружалась въ сугробы. Нѣмцы настигали насъ. Тогда, знакомый штабного офицера, казачій полковникъ Поповъ предложилъ мнѣ мѣсто въ своихъ саняхъ. Онъ укрылъ меня буркой, и мы быстро помчались.

Въ штабной коляскѣ я забыла тогда мой чемоданчикъ съ драгоценностями, а среди нихъ и брошь въ видѣ кокошника съ брилліантовымъ орломъ, пожалованную мнѣ Государемъ во время Бородинскихъ торжествъ въ Москвѣ.

Это была моя любимая брошь, съ которой я не расставалась. Я вспомнила о ней только потому, что въ тѣ дни мнѣ какъ будто было суждено терять все любимое.

Въ лѣсу, въ одинокой курной избѣ, насъ приютила на ночлегъ бѣдная женщина.

Полковникъ Поповъ во всю дорогу не потревожилъ меня разспросами, а только молча укрывалъ буркой. Но когда въ избѣ, у загнетки, затрещали сухія лучинки, на которыхъ хозяйка кипятила чай, полковникъ снялъ черкеску, сѣлъ у моего изголовья и повелъ тихую рѣчь. Онъ говорилъ, что человѣку грѣхъ роптать, когда Богъ посылаетъ ему испытаніе, что въ страданіяхъ омывается наша душа, а мы слезами заливаемъ души ушедшихъ, любимыхъ, и наши слезы тяготятъ ихъ, уже освобожденныхъ отъ земной темницы.

Полковникъ еще рассказывалъ мнѣ, какъ онъ самъ едва не лишилъ себя жизни, потерявъ любимую жену. Но вотъ остался жить, ради сиротокъ-дѣвочекъ, и горе, котораго, казалось, не переживетъ, давно ушло.

— Посмотрите, — съ улыбкой указалъ онъ на свой теплый шарфъ. — Это моя дочка связала, а я ношу и радуюсь.

Долго подъ вой вьюги и трескъ лучинъ утѣшалъ онъ меня и моя душа готовая возроптать, затихла, смирилась и какъ причастіе принимала мудрыя и свѣтлыя слова Библии, которую казачій полковникъ зналъ, повидимому, наизусть.

На меня сошелъ покой. Я уснула. Помню, какъ ночью нашла я кружку съ водой у моего изголовья. Ее поставила та же рука, добрая, участливая.

Прошли года, я перенесла горе, но добрыхъ словъ Попова и заботы его братской не забуду никогда.

Онъ доставилъ меня въ Ковно и больше я его никогда не встрѣчала.

**

Въ Петербургѣ, прямо съ вокзала, безкорыстный другъ, однополчанинъ В. А. Шангина, Ю. П. Апрѣлевъ привезъ меня къ своей матери Еленѣ Ивановнѣ.

Величавая, мудрая и свѣтлая моя Елена Ивановна... И теперь вижу ее, высокую, съ бѣлоснѣжной сѣдой головой, вижу и ласковую ея улыбку.

Сидитъ она въ креслѣ, а я у ея ногъ, на мягкой скамеечкѣ, положивъ ей голову на колѣни. Рядомъ работаетъ «мышь» Амалія Ивановна, сѣденькая компаньонка, состарѣвшаяся вмѣстѣ со своей госпожей. Елена Ивановна тихо гладитъ мои волосы и рассказываетъ мнѣ о прелестномъ и дальнемъ — о встрѣчахъ съ И. С. Тургеневымъ и о Віардо, въ домѣ которой она бывала. Елена Ивановна была любимой ученицей И. С. Тургенева и сама писательница.

Была заперта моя квартира на углу Сергиевской и Таврической. Тамъ мнѣ было тяжело жить.

Чтобы немного оправиться отъ всего пережитаго я, по совету друзей, стала лѣчиться въ водолѣчебницѣ доктора Абрамова.

Тамъ я поселилась, тамъ меня навѣщали друзья и знакомые.

Однажды пришелъ меня навѣстить и А. Чернявскій, авторъ многихъ романсовъ. Смѣшной онъ былъ человекъ: осторожно постучался ко мнѣ и съ опаскою вошелъ. Я спросила :

— Чего это вы такъ боитесь ?

— Да вѣдь тутъ сумасшедшій домъ, вотъ я и боюсь, какъ бы вы на меня не набросились. А вдругъ вы буйная ?

Я поспѣшила его успокоить, что сумасшедшіе помѣщаются рядомъ, а тутъ отдыхающіе люди.

— Тутъ и Леонидъ Андреевъ наверху отдыхаетъ,—сказала я.

Только тогда онъ сѣлъ въ большое кресло и такъ удобно, что его короткія ноги не доставали пола.

Въ память моего ушедшаго жениха, я желала служить міру по силамъ своимъ, а въ минуты слабости духа я обращалась къ Библии и къ Святому Евангелію. А тамъ силъ источникъ неиссякаемый, — только черпай и пей изъ родника истины и тогда, незамѣтно, откроются духовныя очи и увидишь, чего раньше не замѣчалъ, и познаешь, что ты не одинъ, а добрыя силы невидимыя ведутъ тебя и что злоба, зависть и жадность, всѣ тѣ желѣзные оковы, отъ которыхъ душѣ человеческой тяжко, — сброшены и легче солнечнаго луча станетъ душа.

И возрастутъ у нее крылья быстрыя съ кладью любовною, и парить она по поднебесью и видитъ яркія звѣзды, ярче солнышка.

Моя долюшка — доля счастливая, будто матушка родимая меня учила уму-разуму.

Чтобы знала я какъ въ трудѣ жить, родила меня крестьянка-мать и отецъ мой пахарь-труженикъ.

Чтобы славу я познала, она мнѣ пѣсню подарила.

Чтобы золоту знать цѣну и каменьямъ драгоцѣннымъ, меня и въ золото и въ камни она любовно нарядила.

Чтобы я всѣхъ любить умѣла, чтобъ за жертвенность святую братьямъ кланялась я земно, показала мнѣ судьбинушка рѣки красные кровавыя, наполнила чашей горькихъ слезъ надъ крестами безымянными, что убогими сиротками по чужой землѣ разбросаны.

Причастила горькимъ горюшкомъ, умудрила, приголубила яркимъ свѣтомъ, ярче солнышка, чтобы знала я да вѣдала, для чего сюда мы присланы, чтобы душа свѣтилась и слезами омывалась.

Вотъ гдѣ радость-то пресвѣтлая, какъ додумалась, дозналась, для чего сюда мы присланы.

Въ жизни я знала двѣ радости: радость славы артистической и радость духа, приходящую черезъ страданія.

Чтобы понять какая радость мнѣ дороже, я скажу, что послѣ радостнаго артистическаго подъема, чувствуется усталость духовная, какъ бы съ похмелья.

Ароматъ этой радости можно сравнить съ туберозой.

Прекрасенъ ея аромат, но долго дышать имъ нельзя, ибо отъ него болитъ голова и умертвить можетъ онъ.

А радость духовная — легка, она тихая и счастливая, какъ улыбка младенца. Куда не взглянешь, повсюду свѣтится эта радость и ты всѣхъ любишь и все прощаешь.

Эта радость — дыханіе нѣжныхъ фіалокъ. Дыханіе ихъ хочешь пить безъ конца.

Радость первая проходитъ, но духовная радуется до конца дней.

На второй недѣлѣ поста въ Михайловскомъ театрѣ давался концертъ подѣ покровительствомъ Великой Княгини Ольги Николаевны въ пользу семей убитыхъ воиновъ.

Тамъ было мое первое выступленіе послѣ прїѣзда съ фронта.

Въ день концерта ко мнѣ въ лечебницу два раза прїѣзжалъ В. В. Логранжъ и внушалъ, глядя на меня своими черными искристыми глазами.

— Ты будешь сегодня пѣть такъ, какъ никогда не пѣла. Ты все забудешь, что тебя тревожитъ.

Вечеромъ Логранжъ повезъ меня въ театръ. Тамъ Ю. П. Апрельевъ проводилъ меня въ ложу своей матери. Милая Елена Ивановна, никуда не выѣзжавшая, прїѣхала, чтобы поддержать меня своей доброй силой.

Въ ложѣ я подошла къ зеркалу и увидѣла свое отраженіе. Это была не я, а вѣшалка, на которой висѣло черное платье. Къ худому блѣдному лицу не приставали ни пудра, ни румяна.

— Я не могу пѣть — взмолилась я передъ распорядителемъ М. И. Горемыкинымъ.

— Нѣтъ, ты, Наденька, будешь пѣть — ласково, но твердо сказала мнѣ Елена Ивановна, предупреждая отвѣтъ М. И. Горемыкина, и погладила мнѣ голову.

— Хорошо, буду пѣть — сказала я покорно.

Я была хозяйкой вечера. Все зало требовало хозяйку вечера на сцену, и вотъ я вышла изъ ложи, и вотъ я на сценѣ.

Чтобы не упасть я прижалась къ роялю.

Въ залѣ гробовая тишина, а я не пою.

Вдругъ увидѣла въ полутьмѣ горящіе глаза Логранжа и вспомнила слова пѣсни, написанной для сегодняшняго концерта :

Средь далекихъ полей, на чужбинѣ,
На холодной и мерзлой землѣ,
Русскій раненый воинъ томился,
Въ предрасвѣтной, безрадостной мглѣ.

Какъ странно звучить мой голосъ, будто чужой. Давно его не слыхала, не такой былъ у меня. Нѣтъ силъ. Сердце колотится, я задыхаюсь, я не пою, а говорю :

Знаетъ онъ, не дожидаться разсвѣта,
Вражьей на смерть сраженъ онъ рукой.
Тяжко раны болятъ, но не это
Затуманило очи слезой.
«Господи, съ радостью я умираю,
За великій народъ, за Тебя,
Но болитъ мое бѣдное сердце
И душа неспокойна моя.
Тамъ въ далекой, любимой отчизнѣ
Безъ приюта осталась семья»...
И случилось вдругъ дивное диво,
Освѣтился зарей небосводъ,
И къ страдальцу въ сіяньи и блескѣ
Кто-то свѣтлый и чудный идетъ.
И звучитъ въ просіявшей пустынѣ
Голосъ, полный любви неземной:
«Храбрый воинъ, не бояся, и нынѣ
Совершилъ ты свой подвигъ святой.
Будь покоясь. Защитникомъ вѣрнымъ
Будетъ Богъ для малютокъ-сиротъ,
Не допуститъ обиды и скверны,
И накормитъ и слезы утретъ».
И съ улыбкой, въ краю неизвѣстномъ,
Встрѣтилъ воинъ нашъ смертный свой часъ,
Осѣнилъ себя знаменемъ крестнымъ
И безъ жадобъ на вѣки угасъ.
Вы, къ кому такъ судьба не сурова,
Кто отцовъ и дѣтей сохранилъ,
Не забудьте завѣта Христова
И завѣта изъ братскихъ могилъ.

Въ залѣ была тишина. Будто раздумывали, можно ли такой пѣснѣ аплодировать?

Но чей-то хлопокъ нарушилъ тишину. Зало загремѣло отъ рукоплесканій, мнѣ вручили большой ковшъ и М. И. Горемыкинъ повелъ меня со сцены въ публику.

Ковшъ быстро наполнился деньгами, потребовались шапки. Всѣ были щедры и давали-давали для сиротъ свои лепты.

Какъ хорошо сознавать, что бываютъ минуты, когда люди одинаково думаютъ и одинаково добры, — всѣ до одного.

Послѣ сбора, ко мнѣ въ уборную пришелъ военный министръ Сухомлиновъ.

Передъ нимъ все разступалось тогда, но что было потомъ... О почести человѣческія, кратковременныя!

Недавно, въ Берлинѣ, я стояла надъ скромной могилой Сухомлинова. Думалъ ли военный министръ Россіи, что Германія дастъ ему послѣдній пріютъ?

Тогда-же тихой, вкрадчивой поступью вошелъ ко мнѣ и поэтъ — крестьянинъ Н. Клюевъ.

Мнѣ говорили, что Клюевъ притворяется, что онъ хитритъ. Но какъ можетъ человѣкъ притворяться до того, чтобы плакать.

Я пригласила его къ себѣ и Н. Клюевъ бывалъ у меня.

Онъ нуждался и жилъ вмѣстѣ съ Сергѣемъ Есенинымъ, о которомъ всегда говорилъ съ большой нѣжностью, называя его «златокудрымъ юношей». Талантъ Есенина онъ почиталъ высоко.

Однажды онъ привелъ ко мнѣ «златокудраго». Оба поэта были въ поддевкахъ. Есенинъ обличьемъ былъ настоящей деревенскій щеголь, и въ его стихахъ, которые онъ читалъ, чувствовалось подражаніе Клюеву.

Сначала Есенинъ стѣснялся, какъ дѣвушка, а потомъ осмѣлѣлъ и за обѣдомъ сталъ трунить надъ Клюевымъ. Тотъ ежился, и втягивая голову въ плечи, опускалъ глаза и разглядывалъ паль-

цы, на которыхъ вмѣсто ногтей, были поперечныя, синеватыя полоски.

— Ахъ, Сереженька, еретикъ, — говорилъ онъ тишайшимъ голосомъ.

Что-то затаенное и хлыстовское было въ немъ, но былъ онъ уменъ и бесѣдой не утомлялъ, а увлекалъ и самъ до того увлекался, что плакалъ и по дѣтски вытиралъ глаза радужнымъ фуляровымъ платочкомъ.

Онъ всегда носилъ этотъ единственный платочекъ.

Также и рубаха синяя, набойчатая, всегда была на немъ одна. Я ему подарила сапоги новые, а то онъ такъ и ходилъ-бы въ кривыхъ голенищахъ, на стоптанныхъ каблукахъ.

Иногда онъ сидѣлъ тихо, засунувъ руки въ рукава поддевки, и молчалъ. Онъ всегда молчалъ кстати, точно узнавалъ какимъ-то чутьемъ, что его молчаніе мнѣ нужнѣе бесѣды.

**
*

Въ то время траурныя объявленія ежедневно извѣщали о смерти храбрыхъ: друзей, знакомыхъ, родныхъ. Убитъ былъ мой племянникъ, первенецъ брата Николая.

Въ часовнѣ Николая Чудотворца, на Литейномъ, гдѣ всегда пылалъ жаркій костеръ восковыхъ свѣчей, я служила по цемъ панихиду.

Старенькій священникъ и маленькій пономарь-горбунъ исто-во молились и пѣли старческими голосами, клубилось синеватое облако ладана и лилась панихида, умиленно, какъ пѣсня колыбельная надъ спящимъ дитятей.

Въ этой часовнѣ я бывала часто, я отдыхала тамъ въ напоенной ладаномъ тишинѣ.

Никогда я не была ханжой, но во время всеобщаго траура душа ничего не желала, кромѣ молитвъ.

Вотъ почему я охотно посѣщала религіозныя собранія и собесѣдованія, но отъ городскихъ сплетенъ крѣпко запирала

двери. Невмоготу было слушать, какъ люди, и не видавшіе фронта вблизи, легко передвигали войска, бросали полки туда и сюда, завоевывали Берлинъ, критиковали все и вся. Даже дамы своими маленькими ручками командовали арміями и одерживали побѣды за чайнымъ столомъ.

Много говорилось пустого, много сѣялось лжи, да не я тому судья: «отойди отъ зла и сотвори благо».

И когда пѣсня благо, я несла ее въ госпитали и на благотворительные концерты.

Съ удовольствіемъ вспоминаю я собранія у министра Шварца.

На одно я привела Клюева. Въ двухсвѣтномъ желтомъ залѣ В. М. Лодыженскій въ тотъ вечеръ читалъ свою трилогію «Невидимыя волны». Среди гостей былъ и митрополитъ Владиміръ, убитый потомъ въ Кіевѣ, въ Печерской лаврѣ.

Послѣ чтенія Лодыженскаго, дочь хозяина уговорила Клюева прочесть что-нибудь изъ его произведеній. Онъ согласился. Старомодныя старушки зашевелились, зашептались, стали вскидывать лорнетки на поддевку и голенищи Клюева.

Почему свѣтскія старушки такъ всполошились, я и теперь не знаю: напугало ли ихъ деревенское обличіе поэта или онѣ думали, что это новоявленный Распутинъ.

— Что бы не пугать ихъ — сказалъ мнѣ Клюевъ о старушкахъ — я больше въ салонъ не пойду.

Онъ былъ обиженъ такимъ пріемомъ, а между тѣмъ, онъ читалъ тогда тѣ самыя стихи, слушая которыя плакалъ у меня А. И. Шингаревъ. Я помню, какъ зябко прижимаясь къ изразцамъ теплой печки въ моей гостиной, плакалъ не стѣсняясь Шингаревъ хорошими слезами, слушая «Солдатскія душеньки» Клюева:

Покойныя солдатскія душеньки,
Подымаются съ поля убойнаго
Изъ-подъ кустя они мазой мошкою,
По надъ кустьемъ-же мглой столбовитою.

Въ Божьихъ возлухахъ синью мерещатся,
Подаютъ голоса лебединые.
Словно, съ озеромъ, гуси отлетные,
Со Святорусской сторонкой прощаются.
У заставы великой, предсолнечной,
Входятъ души въ обличіе плотское.
Ихъ встрѣчаютъ тамъ горіе войны
Съ грозно-крылымъ Михайломъ Архангеломъ.
По три крата лобзаютъ страдателей,
Изгоняютъ изъ душъ боязнь смертную,
Опосля ихъ ведутъ въ храмъ апостольскій,
Отстоять поминальную служебку.
Править службу тамъ Аввакумъ, пророкъ,
Чтеть писаніе Златоустъ Иванъ.
Херувимскій ликъ плещетъ гласами,
Солнце-колоколъ точитъ благовѣсть.
Опосля того громовникъ Илья,
Со Еремою запрягальникомъ,
Снаряжаетъ имъ поѣздъ огненный
Звѣздныхъ мериновъ съ колымагами
Отвести гостей въ преблаженный Рай,
Гдѣ страдателямъ уготованы
Веси красныя, избы новыя,
Кипарисовымъ тесомъ крытыя,
Ложни сѣвыя, винограды, трава —
Пашни вольныя, безплатежныя
Все солдатушкамъ уготовано,
Храбрымъ душенькамъ облюбвано.

**
*

На страстной я пріѣхала въ деревню къ великой радости матери.

Она встрѣтила меня праздничная, въ чинномъ нарядѣ, и все оправляла шаль, то и дѣло приглаживая проборъ на головѣ, гдѣ и безъ того волосъ къ волосу расчесанъ.

— Ахъ и гостья, дорогая, пожаловала, ахъ пташечка залетная, — сквозь слезы говорила мать. — Ужъ я всѣ глаза про-

глядѣла, все тебя ждала — выглядывала. Думала, не увижу свою кралечку, не дождусь, умру... Стара ужъ я стала и вижу плохо, — отъ слезъ должно быть: все плачу. Горя-то, горя кругомъ. Внушка Колюшку убили и ты на што похожа.

И залилась слезами, родная.

Сѣли мы съ нею вдвоемъ въ уголокъ и плачемъ: никто намъ не мѣшаетъ. Умна моя старушка, все знаетъ, но и словомъ не обмолвилась о моемъ горѣ.

Должна сказать, что она любила моего перваго мужа Э. М. Плевацкаго и когда мы разошлись, огорчалась очень.

Наплакались мы вдоволь, порадовались встрѣчѣ, а на дворѣ — рай. Весна на дворѣ.

Журчатъ веселые ручьи, въ окнѣ зеленѣетъ лозникъ, какъ зеленое облачко. По всей деревнѣ звонко перекликаются пѣтухи, на-радостяхъ, что солнце пригрѣваетъ.

А въ домѣ — суета, всѣ спѣшать до праздника убраться. На кухнѣ Дунечка хлопочетъ; хорошая она хозяйка.

Курносый Фомка, мой племянникъ, любимецъ и неразлучный другъ бабушки, принесъ мнѣ охапку подснежниковъ, стоитъ у притолоки и носомъ шмыгаетъ съ конфузу.

— Теть, а теть, вѣнокъ-то плестъ на Плащаницу будешь? Сказалъ и зардѣлся, добавилъ:

— У три часа звонить зачнутъ. Што-бъ къ выносу поспѣть.

— Ну, милый Фомка, давай цвѣты и получай въ награду картузь суконный да кумачевую рубаху, отъ тетки къ Великому дню. Да тяткѣ и матери скажи, чтобы за обновами шли. Скажи: бабушка велѣла, чтобы всѣ внучата къ ней пришли.

Фомка, въ новомъ картузѣ, помчался выгономъ домой и скоро пришелъ Николай всѣмъ домомъ.

А домъ у него — подная чаша.

— Что Бога гнѣвить, — говоритъ онъ мнѣ, — старшого на войнѣ убили, а у меня — Господь послалъ, — еще растутъ солдаты, да во какіе: любимецъ матери — Федюшка, тихій Ванич-

ка, поменьше, а Фомка то орелъ какой, да сѣроглазый озорникъ Купрюшка, — весь въ мать пошелъ и мордашка веснучатая, да Андрюшка, да Степка, да Захаръ, — глянь какіе крѣпыши... А тутъ и дѣвки Аленка да Анютка въ подмогу матери растутъ. Когда еще Богъ пошлетъ, то я не прочь, Параша только-бы не серчала...

Шумѣла въ домѣ дѣтвора, обновы мѣрила, плела вѣнокъ на Плащеницу, а мать допросъ имъ учиняла: кто съ утра ѣдоу грѣшенъ; да не послушенъ и лѣнивъ, тотъ басурманинъ некрещенный. А кто постился, былъ послушенъ, тотъ бабушкинъ любимый внучекъ. Тому пятакъ она подарить, тотъ свѣчку купить и въ придачу гармошкой сложенный фонарикъ.

Оказалось, что всѣ внуки были постники великіе: никто не ѣлъ до Плащеницы, окромя маленькой Аленки, а той самъ Богъ велѣлъ.

Такъ и минула Свѣтлая Пасха. Въ кругу семьи, съ моимъ прїѣздомъ, мать помолодѣла.

— Кабы не кашель, — говорила она, — дакъ меня хоть замужъ отдавай. Здоровая, какъ дѣвка, право слово. Да я и не старая: всего-то мнѣ восемьдесятъ шестой годочекъ пошелъ.

И наклоняла свою русую голову безъ единого сѣдого волоска и улыбалась, показывая бѣлые зубы.

Какъ я радовалась смотрѣть на ея молодую старость, а все сжималось сердце, что быть дню, когда смолкнетъ навѣки дорогой голосъ и не будутъ на меня смотрѣть родные глаза.

Мать спокойно готовилась къ смертному часу и собиралась въ далекій путь, будто въ гости.

— Ты, Дежечка, не горюй, когда я умру, — говорила она. — Сама я смерти не боюсь. Такъ Господомъ положено, чтобы люди кончались. Я вотъ съ двадцати годовъ смертное себѣ приготовила, а ты мнѣ только ходочки купи, чтобы было въ чемъ по мытарствамъ ходить, когда престану предъ Судіей Правед-

нымъ. А гробъ лиловый съ прозуменами мнѣ нравится. Да по-другъ моихъ одари платками, а мужиковъ, которые понесутъ меня, — рубахами пожалуй. Ну вотъ и все. А какъ поминки справить, — сама знаешь.

Сокрушалась она о грѣхахъ своихъ вольныхъ и невольныхъ, раздумывала и о томъ, какое мѣсто уготовано ей на томъ свѣтѣ.

— Вижу, онадысь, сонъ, — рассказывала мать. — Будто иду я по саду, глянь, избушка стоитъ, бѣлая, чистая, а въ избѣ-то сидитъ Потапъ Антонычъ, вымытый, примасленный, ну впрямь живой. Я и подумала проснувшись: ета Потапу приготовлено мѣсто на томъ свѣтѣ за смиреніе его. Вѣдь онъ на своемъ вѣку курицы не обидѣлъ. Способи Господи и меня такою хаткой небесной...

Быль жаркій день въ разгарѣ лѣта. Поденщицы пололи у насъ огородъ. Мать, стоя за рѣшетчатымъ заборомъ, шутила съ дѣвками и вдругъ, должно быть вспомнивъ молодость, — дѣвки не успѣли оглянуться, — перешагнула Акулина Фроловна черезъ заборчикъ, сѣла съ дѣвками въ рядъ на бороздѣ и принялась работать на солнцепекѣ.

Къ вечеру у ней разболѣлась голова. Я пожурила мать за работу на жарѣ.

— Што сваливать на жару-то, когда приходитъ время, — отвѣтила она. — Батюшку призвать нужно. Я пособоровагься хочу.

Когда батюшка свершалъ надъ матерью величавый обрядъ, она съ дѣтской кротостью стояла на колѣняхъ, во всей красотѣ своего великаго и мудраго спокойствія.

— Пошли намъ Богъ быть такъ-же готовыми, какъ приготовилась Акулина Фроловна, — сказалъ отецъ Николай, благословляя насъ.

Послѣ соборованія, матери стало лучше и я уѣхала на нѣсколько дней въ Кисловодскъ концерттировать.

На третій день по приїзді моемъ въ Кисловодскъ, на террасѣ дачи профессора Анфимова, за чайнымъ столомъ, собралось большое общество: М. Г. Савина, профессоръ Симановскій, М. А. Стаховичъ и еще профессора и еще гости, именъ которыхъ уже не упомяну.

Гостепріимные хозяева хлопотали. Гости весело шутили, а я сидѣла въ уголку да слушала умныхъ людей.

Вспоминали первый дебютъ Савиной на императорской сценѣ. Стаховичъ, — во время ея дебюта онъ былъ еще юноша, — влюбленный въ нее тогда, писалъ ей стихи и осыпалъ цвѣтами

— Я и сейчасъ въ нее влюбленъ, — шепнулъ мнѣ М. А. Стаховичъ.

И впрямь въ нее можно было влюбиться. Она была такъ оживлена и моложава, такъ обаятельно — проста, что я рѣшилась спросить по совѣсти, по правдѣ, сколько ей лѣтъ.

— Да я и скрывать не собираюсь. Мнѣ шестьдесятъ три года, — разсмѣялась Марія Гавриловна. — Но когда я говорю, что мнѣ шестьдесятъ три, люди говорятъ: «вретъ, ей семьдесятъ три», обязательно десятокъ прибавятъ. Охъ, ужъ эти люди.

Разговоръ какъ-то коснулся литературы и М. А. Стаховичъ рассказалъ исторію появленія на свѣтъ извѣстнаго романа Фета «Сіяла ночь, луной былъ полонъ садъ»: онъ былъ еще мальчикомъ, когда Стаховичи всей семьей гостили въ Ясной Полянѣ. Толстые были дружны съ семьей Стаховичей.

Тогда-же въ Ясной Полянѣ гостилъ Фетъ съ женой и Тургеневъ, только что помирившійся съ Толстымъ. Въ усадьбѣ любили сумерничать. Дочь Льва Николаевича играла и пѣла. Послѣ одного такого вечера Фетъ рано ушелъ къ себѣ на верхъ. А утромъ за кофе, Авдотья Петровна, его жена, сказала :

— А Афанасій Афанасьевичъ что-то писали.

— Ничего я не писалъ.

— Нѣтъ, писали. На столѣ лежитъ, на синенькой бумажкѣ написано.

Тогда молодежь, въ томъ числѣ и Миша Стаховичъ, побѣжала на верхъ, принесла синоюю бумажку и стала читать вслухъ: «Сіяла ночь, луной былъ полонъ садъ». Когда дошли до словъ «прошли года томительно и скучно», — всѣ какъ то сконфузились, вспомнивъ какъ некрасива была Авдотья Петровна: любовь поэта была одна мечта. И стихи, кажется, до конца не дочитали. Въ это время Толстой и Тургеневъ прогуливались по саду и мирно бесѣдовали...

Въ хорошемъ настроеніи я вернулась изъ гостей къ себѣ въ гостиницу, а тамъ меня ждала телеграмма о смерти моей матери.

Я осиротѣла. Точно пустыней сталъ міръ. Никого. Я одна въ немъ. Кто мнѣ замѣнитъ мать?

Нѣтъ чище и нѣтъ правдивѣе любви, чѣмъ любовь матери. Ея любовь никогда не обманетъ и никогда не измѣнитъ...

Много лѣтъ прошло съ той печальной минуты, а и теперь я не могу писать покойно.

Врачи мнѣ не разрѣшали ѣхать на похороны и уже телеграфировали, чтобы хоронили безъ меня, но я всѣ силы собрала и поѣхала.

Юльская жара не позволила задерживать погребеніе.

Раннимъ утромъ, чуть солнышко освѣтило нашу старую церковь, я пріѣхала въ село. Оно казалось мнѣ опустѣвшимъ и скучнымъ.

Печально плылъ погребальный звонъ, на бѣлыхъ рушникахъ колыбался лиловый съ позументами гробъ, навѣки закрывшій отъ меня родное, незабываемое лицо матери.

Все село провожало Акулину Фроловну въ послѣдній дале-
кій путь.

Когда опустили гробъ въ могилу и стали бросать горсти
земли на гробовую крышку, я тоже взяла земли.

— Что ты, что ты! — сквозь рыданія крикнулъ мнѣ братъ. —
Тебѣ нельзя бросать.

А я и не знала, что нельзя. «И правда», подумала я, «ей бы-
ло бы больно».

При послѣднихъ минутахъ матери были Э. М. Плевацкій и
Дунечка.

Дунечка мнѣ рассказала: когда получили телеграмму, что я
не буду на похоронахъ, всѣ замѣтили, какъ нахмурилось лицо
усопшей при этомъ извѣстїи. Но когда пришла другая, что ѣду,
— улыбка заиграла на мертвомъ лицѣ и мать словно помолодѣ-
ла на своемъ смертномъ ложѣ.

Это подтвердилъ мнѣ и Э. М. Плевацкій.

Опустѣла голубенькая комната съ лежанкою и весь домъ
осиротѣлъ.

Теперь насъ всѣхъ тянуло на свѣжую могилу въ углу клад-
бища, почти противъ оконъ избы Потапъ Антоныча и Николая.

— За нами тоже, во святой часъ, дѣло долго не станетъ, —
говорилъ Потапъ Антонычъ. — Скоро и мы тутъ рядкомъ съ
Акулиной Хроловной и Василь Абрамычемъ отдыхать ляжемъ.

И не замѣтно было въ его голосѣ печали, будто и впрямь
желаетъ онъ поскорѣе лечь и отдохнуть.

Вскорѣ послѣ похоронъ матери приснился мнѣ сонъ, такой
яркій, что и пробудясь я не вѣрила, что это сонъ.

Будто стою я на колокольнѣ нашей деревенской церкви и
далеко видны пашни и поля. И вдругъ я увидѣла, какъ въ воз-
духъ летаетъ въ смятенїи бѣлый голубь, гонимый стаей черныхъ
птицъ.

Голубь метался и черныя птицы его настигали, а я съ тоской кричала: «заклюють, заклюють, бѣднаго голубочка».

Голубь метнулся и палъ въ когти черной птицы и повисъ безъ дыханія.

Тогда я увидѣла мать, идущую со стороны кладбища.

Увидя ее, я крикнула кому-то внизъ съ колокольни, чтобы мать ко мнѣ не подымалась, что ей трудно по лѣстницѣ ходить, а я сама къ ней прибѣгу.

И побѣжала внизъ съ колокольни.

Обыкновенно эта лѣстница шаткая, но теперь была устлана ковровой дорожкой.

Я сбѣжала внизъ и обняла мать. А она держитъ въ рукахъ крылышко бѣлое; подала мнѣ и сказала:

— Вотъ тебѣ, Дежечка, крылышко голубочка, котораго вороны заклевали.

Голосъ матери былъ печалень и нѣженъ.

Я взяла крыло и проснулась.

Тогда этотъ сонъ я разгадать не умѣла, и только теперь его, кажется, поняла...

Сейчасъ, когда я дописываю эти строки, подъ моимъ окномъ, въ густой шелковницѣ, поетъ птичка, заливаясь.

Не привѣтъ ли это съ родимой стороны?

Не побывала ли она теплымъ лѣтникомъ въ лѣсу Мороскинѣ? И не пѣла ли пташечка на сиреневомъ кусту у могилы моей матери?

Спасибо, милая пѣвунья. Кланяюсь тебѣ за пѣсни.

У тебя, вѣдь крылья быстрыя, куда вздумаешь, летишь. У меня одно крыло.

Одно крыло и то ранено.

Као-де-Пота

5-XI-1929.